

Б. Конофальский ИНКВИЗИТОР

Божьим промыслом
книга 17

КИНЖАЛЫ И ВЕКСЕЛИ

18+

Борис Конофальский

**ИНКВИЗИТОР. Божьим
промыслом. Книга 17.
Кинжалы и векселя**

«Автор»

2026

Конофальский Б.

ИНКВИЗИТОР. Божьим промыслом. Книга 17. Кинжалы и векселя
/ Б. Конофальский — «Автор», 2026

Генералу надобно укрепиться в Малене. У него новые сторонники, но врагов не становится меньше. И они не оставляют надежд "свалить" его. Ему нужны деньги, много денег... Нужно достраивать замок.

© Конофальский Б., 2026

© Автор, 2026

Борис Конофальский

ИНКВИЗИТОР. Божьим промыслом.

Книга 17. Кинжалы и векселя

Инквизитор

Книга 17

Кинжалы и вексели

Глава 1

Хоть доподлинно он ещё не знал, сколько всего добычи взяли вместе с оловом, – это потом ему Дорфус и Бруно скажут, – но общее представление о трофеях у него уже имелось. Денег было меньше, чем он поначалу надеялся. Да, там, на том берегу, ему казалось, что добыча хороша, но теперь, вернувшись домой, переодевшись в удобное платье и усевшись за стол, барон поудобнее устроил ногу, разложил перед собой бумаги и начал прикидывать. Глядел на мешки с серебром. В столбец справа писал то, что должен, а слева то, что намеревался выгадать из всего оловянного дела. И уже в самом начале подсчётов ему было ясно, что денег опять не хватает. Постройка храма, а также процент, обещанный архиепископу, съедали чуть ли не больше трети вырученного серебра и олова. Барон ещё раз взглянул на мешки, что стояли у стены на чуть прогнувшейся от такой тяжести лавке, взглянул и уже решил окончательно, что этих мешков ему самому, может, и хватило бы на текущие нужды, даже на обстановку замка, но если всё делить по совести... да ещё двадцать тысяч на церковь... Барон некоторое время сидел насупившись и думал, как бы статьи расходов уменьшить. И выход тут был только один:

«Ладно... Церковь строю попроще и попу в Ланн отправлю поменьше! И на оставшиеся хоть проценты чуть погашу».

В общем, главные надежды он возлагал на продажу олова, а не на то серебро, что удалось взять у туллингенцев.

Мария пришла спросить, не надобно ли господину пива или вина до обеда – или греть воду для ванны, и Волков просил пива. Пока ключница подавала ему пиво, барон надумал урезать две огромные статьи, выиграв на том парочку тысяч. Но были ещё долги, бесконечные долги кредиторам, а уж эти кровопийцы не уступят ни одного крейцера. На этих не экономишь. Тут даже и надеяться не смей. Ещё четыре тысячи он хотел передать Кахельбауму для выкупа у своего мужика нынешнего скудного урожая. Но теперь думал, что этих денег не будет, а если и будет, то вполовину меньше намеченного. А ещё немалую долю нужно было отдать офицерам и солдатам... Солдатский грош – дело святое. Нет греха хуже, чем обворовать своего брата-солдата. Это генерал усвоил ещё с молодых ногтей. Со времён бесконечной южной войны перед ним стоял вид одного зарезанного корпорала. Его изрезанное до черепа лицо, руки с отрезанными пальцами, разоблачённое до наготы тело у дороги. Старый и опытный солдат, которому его товарищи доверяли вести дела, как выяснилось, был нечист на руку, заглядывал в общий кошель. И Волков, тогда только принятый в одну из корпораций арбалетчиков, запомнил лица старших товарищей, когда они проходили мимо истерзанного тела, валявшегося у дороги, которое никто не хотел и не собирался хоронить. Ни у кого из солдат тот ветеран не вызвал снисхождения, только удовлетворение, граничащее со злорадством. Мол, козлицу по заслугам. А ты не объедай общий огород. Так и должно быть. И с тех самых пор генерал усвоил, что у братьев воровать нельзя. Так в нём и укоренилась простая догма: можно пороть людей за непослушание, можно вешать на оглоблях за трусость, но нельзя воровать у тех, кто идёт за тебя на смерть. А тот полководец, который был слишком жаден или присваивал солдатские деньги, в другой раз просто не мог собрать хороших солдат или был вынужден

платить вперёд и лишнего. Так что каждый, кто был с ним в деле за рекою, мог быть уверен, что получит свою честную порцию, будь то первые его офицеры или самые последние возницы из обоза.

Тут влетела в залу баронесса вместе с сыновьями. Мальчики быстро и заученно идут к отцу целовать длань, делают это и потом, и слова не сказав, убегают куда-то; жена же поцеловала его в висок, быстро, так же, как и дети. Сама покраснелась вся, дышит часто, словно бежала, сразу к столу садится, и нет бы у мужа спросить, пообедал ли супруг, как его здоровье, – нет, она сразу начинает:

– Каталина, – (госпожа Роха предпочитала, чтобы близкие называли её вторым именем, все в Эшбахте так и делали), – была в Малене! Только что оттуда приехала. Я к ней за перцем заходила. Она говорит, весь город гудит. Улицы чистят так, как отродясь не чистили. Многим торговцам велели менять вывески, страх божий поменять на красивые. А домовладельцев обязали срочно белить дома и заборы. Хоть фасады. Некоторые сами затевают покраски, ремонты, и принуждать никого не надо. Маляры нарасхват.

«Ну что ж, бюргеры не хотят выглядеть самым грязным городом во владениях будущего князя». Волков кивает жене, откладывает перо, а это значит, что он её слушает. А та и рада такому вниманию своего необщительного супруга.

– Свалку, что у рынка, который за ратушей, начали вывозить. Ой, там столько всего... Бургомистр ввёл штраф за брошенных дохлых псов и котов. Колокольню, что у святого Стефана, в которую в прошлом году молния ударила, сейчас уже белят. Все канавы вычищают. Только и разговоров было, что о визите принца. Даже нищие на паперти, и те о том говорят. Говорят, что надо от принца милостыню непременно получить. Говорят, те монеты счастливые будут. Но как только в городе узнали, что вы Фринланд пограбили, так про принца все тут же позабыли. Купцы говорили в ратуше, что вы серебро возами грузили. Говорили, что сами то видели. В городе все стали волноваться, говорить: а не будет ли теперь войны? А другие говорили, что не будет, нет во всём Фринланде никого против вас, и в Ланне нету, и что архиепископ войны затеять не решится. Утрётся, потому как стар уже, куда ему воевать? – тут она засмеялась и осенила себя святым знамением. – Господи, грех так про святого отца говорить. Ну да то не мои слова. Так что войны, говорят, не будет. Да только волнуются люди и говорят, что оттого на реке и уголь, и хлеб подорожают.

Бабья болтовня. Сплетни, домыслы, слухи. О том, что говорила супруга, он и сам знал, а о чём-то мог предполагать. Но иногда бывает полезно послушать, что болтают люди на рынках. Сейчас же из всех городских новостей его интересовала одна, а именно: сильно ли волнуются бургеры и выделит ли от волнения магистрат денег на восстановление графского дворца. Как он мечтал об этом! И жалел он сейчас о том, что до визита принца, даже если и выделятся деньги, дворец восстановить будет невозможно. Разве что только бальный зал. А как было бы неплохо принять принца во дворце Маленов. Принять на положении хозяина. Но Волков отдавал себе отчёт, что это всё мечты, мечты. А супруга болтала неспроста, генерал знал эту женщину многие лета, и видел, что баронессу просто разжигает изнутри пламень нетерпения. И что весь этот разговор она затеяла ради главного вопроса. И она, подвинувшись к нему поближе, сей вопрос и задала:

– Господин мой, и что же, правду говорят, что вы во Фринланде возы денег взяли?

– Госпожа сердца моего, отчего же вы об этом спрашиваете? – в свою очередь интересуется у супруги генерал, хотя заранее знает ответ.

– Ну как же отчего?! – восклицает Элеонора Августа с таким привычным для неё неожиданным негодованием. – Мне же ещё вчера Кахельбаум сказал, что от нового архитектора из Ланна приехали мастера и уже наняли рабочих с подёнщиками, уже начали работать в замке, вот я и хочу знать, когда же вы дадите мне денег на покупку мебели.

Генерал смотрит на неё и, не сдержавшись, вздыхает, и от этого баронесса ещё больше распаляется:

– Отчего же вы так вздыхаете, господин мой? Кахельбаум говорит, что ему старший из мастеров сказал, что до Рождества они со всем покончат, и ворота уже поставят, и воду в ров запустят. Надобно мебель уже сейчас заказывать, иначе... – она качает головой с укоризной, – я вас, супруг мой, просто не понимаю... Мебель у хороших мастеров нужно месяцы ждать.

– Ну, значит, подождём, – замечает генерал спокойно, и, видимо, это его спокойствие так сильно досаждало баронессе, что она взрывается.

– Да как же мы подождём? – женщина возводит руки к потолку. – Да Господи! Как же подождём? Я уже не могу тут жить, в этом поганом доме, это хлев, а не дом, от кухни всё время жара, смрад валит, холопы тут же с нами живут, едва не у нас в ногах спят, детям места нет... Я сплю и слышу, как коровы в коровнике испражняются. Вонь от конюшен у нас в спальне, если окно раскрыть. Осталось только на зимние холода скотину в гостиной этой ставить, и настоящий дом холопский получится.

Волков смотрит на свою супругу и снова вздыхает. За последние три дня он мало спал, устал. Спорить с женой у него просто нет сил. Но даже в таком бессильном состоянии он понимает, что нельзя обещать ей, что даст денег на мебель. Мало того что её обманут и она сильно переплатит, так она ещё такого купит, что потом только на камин пойдёт. Жена его была необычайно легка на уговоры и падка на лесть. Ей можно было продать любую яркую или необычную дрянь за дорого. К тому же она совсем не понимала ценности денег. Нет, нет... Он не собирался доверять ей такое важное дело, как покупка мебели.

– Дорогая моя, я же вам это уже говорил, до мебели ещё далеко, – наконец произносит Волков. – Давайте сначала постелим полы и обобьём стены. Я и за окна ещё не платил. Как же вы будете ставить дорогую мебель в залы, где в проёмах нет стёкол? Ещё и посуду надо закупать для кухни, и мебель для слуг...

– Господи, – стонет Элеонора Августа. – Так почему же вы не покупаете это всё?

– Я ищу деньги, – отвечает генерал и пальцем стучит по листу бумаги со столбцами цифр.

– Но все говорят, что вы захватили возы денег; неужели у вас не найдётся серебра на окна и на кастрюли для кухни? – недоумевает супруга.

И тогда он качает головой: нет, не найдётся:

– Мне нужно строить церковь.

– Церковь не подождёт?

– Я обещал епископу, что начну. Мне нужны деньги, чтобы заплатить солдатам... Иначе в следующий раз они просто не пойдут за мной. Мне нужно строить новые амбары...

– Амбары? Да зачем вам ещё амбары?! – баронесса возмущена.

– Нужно много амбаров, моя госпожа, – объясняет супруге барон, – мы теряем деньги на каждом урожае, потому что нам негде хранить зерно до хороших весенних цен. А ещё я обещал местным сеньорам, с которыми вы так хотите дружить, что помогу им протянуть дорогу от владений барона Баля до наших Амбаров у реки; а ещё нужно ремонтировать дорогу до Заставы, она там совсем плоха, зимой мы не сможем возить по ней товары, и посему снова будем терять деньги... А ещё я хотел бы закрыть парочку своих долгов, хотя бы самых разорительных... Хотя бы уменьшить их, чтобы не платить адские проценты.

– Господи, да у вас просто тысячи отговорок! Тысячи! – восклицает баронесса в негодовании.

– При чём здесь отговорки? – весь этот разговор начал уже утомлять генерала, все его доводы улетали куда-то в пустоту, как крик с горы. Жена ничего не хотела слушать, в который раз она заводила разговор про мебель.

«Она в упорстве своём неколебимом сравнима с горским пехотинцем или с каким-нибудь ландскнехтом! Впрочем, и те бы у неё ещё поучились!».

И он говорит ей:

– Куда вы так торопитесь с этой мебелью, вы всё бал хотите дать? Так будет вам бал, но позже. Дайте мне замок привести в порядок, чтобы гостей не стыдно было звать.

– Я хочу побыстрее переехать, – заявляет она.

– А я думаю, что вам не терпится давать балы, вот и распирает вас. Хотите дать бал на Рождество. Так я вам сразу говорю – бала на это Рождество не будет, – строго заявляет он.

– Господи, как я устала от всего этого! – она едва не плачет и встаёт.

«Наконец-то!». Он снова берёт перо и заглядывает в бумаги. Но работу опять приходится отложить, так как у стола появляется Мария.

– Господин, прикажете подавать обед?

– Да, подавай, – он проголодался и поэтому кладёт перо. – И пива ещё мне принеси.

После обеда посуду со стола ещё не всю убрали, а уже пришёл Дорфус, принёс расходы. Фрахт лодок, что перевозили трофеи и людей через реку, найм дополнительных телег. То деньги были небольшие. А вот потом пришёл Карл со списками участников дела и их долями. И тут уже суммы стали солидными. Взяли один мешок с лавки, серебро рассыпали по всему столу, начали считать. Так вот, почти весь мешок на те выплаты и ушёл. Брюнхвальд и Дорфус уносили деньги и были довольны. А когда уже прощались, генерал и говорит:

– Карл, нужно кого-то отправить в Ланн.

– В Ланн? – переспросил полковник.

– Долю архиепископу отвезти. И тянуть с тем нельзя, деньги попу должны прийти быстро, пока он волноваться не начал.

– Ах вот как? – говорит Брюнхвальд. – Ну, может, тогда Неймана отправим? Ему можно доверять, к тому же он расстраивался, что его не взяли на дело.

– Да, отправьте его. И с ним человек шесть кавалеристов. – соглашается Волков.

– Позову его сейчас же. Поговорю с ним, завтра на заре будет с людьми у вас, – обещал Карл. И они с Дорфусом ушли, унося почти полный мешок серебра.

«Нынче у трактирщиков и девок будет весёлая и прибыльная ночь».

А барон звал Гюнтера в помощники и, снова рассыпав по столу монеты, стал отсчитывать долю архиепископа. И думал при том, что если ещё из оставшегося серебра вычесть то, что надобно на церковь, то мешков-то почти и не останется. Правда, у него была ещё целая куча олова, но и из него часть надобно было раздать кредиторам, а на часть купить для замка кое-что необходимое в первую очередь. В общем, денег ему опять не хватало.

Глава 2

Утром, на рассвете, как и было оговорено, к нему пришёл капитан Нейман, и с ним было шесть кавалеристов, готовых к отъезду. Волков дал Нейману указания, телегу, деньги и письмо, которое велел отдать лично в руки Его Высокопреосвященству: всё, вези. И тот уехал довольный: всё-таки повидать архиепископа знаменитой земли, да ещё и поговорить с ним не каждому выпадает. Сам же генерал сел завтракать. Вообще-то ему бы в Малене быть желательно, когда там делаются большие дела. Всё-таки приготовления к приезду принца – дело важное. Но барон ждал племянника с отчётом. Он хотел знать, что там с его оловом. Приехало ли оно, выгружено ли. Также генерала интересовало, что говорят в кантонах по поводу его славного дельца во Фринланде. Учитывая, что многие в тех местах его до сих пор недолюбливали, он немного опасался, как бы не вышло каких неприятностей с его оловом. На реке после его «подвига» должны были пойти разговоры, появиться недовольные, поэтому Волков хотел знать, что болтают на пристанях купчишки да лодочники. В общем... в Мален он так в этот день и не собрался. Решил дожидаться Бруно. А пока того не было, написал письмо сеньору, в котором рассказал о своём походе против туллингенцев. Еще в этом письме барон упомянул

Брунхильду и её отказ возвращаться в Вильбург. Он понимал, что сеньор беситься будет, да что тут поделывать? Конечно, герцогу, наверное, уже через день доложат о случившемся, но и его версию курфюрст должен знать.

Надо было доехать до замка, посмотреть, что там делается, поговорить с мастерами, но он нашёл себе отговорку: мол, я уеду, а Бруно приедет. И остался дома, полагая провести день в приятном бездельи.

А дом был и вправду мал для его растущей и шумной семьи, младшему сыну что-то в это утро не нравилось, он не мог заснуть и плакал в детской наверху, нянька никак не могла его утихомирить. Жена в раздражении топала по лестнице, ходила её ругать. С кухни несло стряпнёй. Мария бранила помощниц. Старшего и среднего учитель усадил за стол для обучения, шепнув отцу, что сыновья при нём на удивление послушны и старательны: вот бы так всегда было. Волкову не казалось, что сыновья послушны. В общем, в доме царила суета наступившего дня. Барон же сам сел напротив своих наследников и снова принялся писать цифры в столбцы. Вчера они с Гюнтером приблизительно подсчитали то, что осталось после выплат, и он в список расходов внёс постройки новых складов и амбаров у реки, а также прокладку дороги. И тут вспомнил про ларь, про который поначалу совсем позабыл. Он приказал принести себе ларец и начал с интересом разбираться в бумагах, выкладывая их на стол, раскладывая в стопки. Разглядывал каждый клочок бумаги. Кто выписал, как можно погасить... всё изучал. Векселя и расписки, что можно было обналичить без хлопот, откладывал в отдельную стопку; что нельзя или с чем было не всё ясно, небрежно бросал в общую кучу. Тех векселей, из которых можно было хоть что-то выжать, набралось на четыре тысячи двести двадцать шесть монет, и это чистыми, без интересов менял и дисконтов. Ну что ж, это было очень даже неплохо: ремонт дороги до Заставы, может, чуть больше. После того как он разобрался с расписками и векселями, решил взяться за тетрадь. Но из неё ничего нельзя было выручить. Простая долговая тетрадь. Но он был рад и тому, что нашёл. И тут одна интересная мысль пришла генералу в голову. Он даже встал и прошёлся по зале, вышел во двор, где конюхи как раз чистили его коней. Нашёл к чему придраться, конечно, но так – без строгости. И весь остальной день он провёл в бездельи, в несильном волнении обдумывая то, что пришло ему в голову. Он думал, что это может обернуться для него тысячей, а может, и парой тысяч монет. Теперь он ждал Бруно. Но вместо него пришёл Ёган, поздравил его с удачным набегом на соседей, а потом стал говорить о делах и о том, что надо выкупать хлеб у мужика, не то он его продаст купчишкам заезжим, а те и рады будут.

– Надо, надо, – соглашался генерал, – дай мне всё посчитать, хочу знать, сколько денег остаётся на покупку. А сам завтра езжай и погляди местность от Солдатских полей до границы с Балями.

– А чего их, эти буераки, смотреть? Хрена там не видели мы?

– Дорогу будем класть. Нужно прикинуть, во что она нам станется.

– Недёшево она нам встанет, – сразу заверил его староста. И бурчит дальше: – Там же одни колдобины и овраги, а что ни холмик, так кустом зарос так, что не продраться.

– Знаю, – сухо отвечает барон. Ёган не меняется. – Вот езжай и посмотри, как дорогу проложить, чтобы подешевле было.

– А нужна она нам там? – ещё больше раздражает генерала его старый слуга.

– Сеньоры с запада хотят свой хлеб возить в наши Амбары.

– Так пусть сеньоры сами дорогу и ложат, – решает Ёган. – Чего нам-то корячиться?

– Ложат! – уже раздражённо повторяет за ним господин. – Всё умнее ты и умнее с годами становишься, советы всё лучше и лучше у тебя. Жаль, что на приёме у Фезенклеверов тебя со мной не было, а то бы ты там всем сеньорам всё и разъяснил бы, – и так как слуга смотрит на него и хлопает глазами, Волков и завершает разговор: – Езжай, говорю, и погляди, тебе потом с дорожным мастером дела вести.

Ёган вздыхает, как вздыхал ещё при первых их встречах и уходит, почёсывая темя ногтями, барон же остаётся ждать племянника. А тот появился лишь под вечер, уже после ужина.

– Ну, что с оловом? – сразу начал генерал, лишь поздоровался с Бруно, который немного добавил ему волнений своим видом.

Рассеянный молодой человек его успокоил:

– Не волнуйтесь, дядя, с вашим оловом всё в порядке, его уже хотят купить. Всё, – из-под колета племянник достал листок бумаги, где были записаны цифры: и количество выгруженных слитков металла, и его ориентировочная цена. И сумма генерала устроила. Он на такую и рассчитывал. Но Бруно говорит: – Только вот не думаю я, что его сейчас надобно продавать. На реке только и разговоров про ваш пияж (грабёж), – он всё чаще употреблял наречие, распространённое за рекой и в королевстве; в кантоне и вообще на реке многие говорили на этом языке.

– Да? И что говорят? – интересуется генерал.

– Болтают всякое, говорят о возможной войне между Ланном и Ребенрее. Но в этом больше сомневаются, говорят, что архиепископ стар уже, ему не до войн, а вот в том, что теперь цены на олово на Марте вырастут, в это охотно верят. Кроме Туллингена здесь, в верховьях реки, никто оловом не торговал. Они тут хороший барыш на том имели. Так что через месяцок мы продадим олово дороже. Может, процентов на двадцать. Хотя хранение выйдет недешёвым, за арендованный пирс придётся раскошелиться, но всё равно мы будем в большом выигрыше. А если деньги нужны срочно, – он кивает на листок бумаги, – вот.

– И кто покупатель? – интересуется генерал, снова поглядывая на сумму.

– Тесть с товарищем, – отвечает молодой человек.

– Наверное, долю тебе с покупки обещали? – догадывается барон.

– Обещали, обещали, – соглашается Бруно, а потом смеётся: – Мне все доли обещают, но я им сразу сказал, что вы не олух рыночный, вы хорошей цены подождёте. Они с этим согласились. Говорили, что вы не чета местным баронам.

Волкова не трогают похвалы, он кивает, но интересуется другим:

– А что ещё болтают на реке?

Бруно вздохнул и отпил вина.

– Да разное про вас, много говорят.

– Что?

– Да что Вепрь против ваших злодеяний – дитё сущее, – племянник, конечно, повзрослел. Когда женился, ноги были тонкие, шея тоже. Теперь уже молодой муж, полный сил, отец семейства. – Вы куда как зубастее.

– Пусть болтают, – да, это ему на руку. Этот, как выражается племянник, пияж только укрепит его авторитет в верховьях Марты. Но ждал барон племянника не для того, чтобы собрать речные новости. – Ладно. Значит, ты своему дружку оставь все дела, а сам собирайся. Будет для тебя большое дело.

– Что за дело? – сразу интересуется племянник.

– К тетке поедешь.

– К графине? – Бруно заинтересован.

– Да, отвезёшь в Ланн те векселя, что я захватил у туллингенцев. Попробуй выручить за них что-нибудь. Четыре тысячи двести – это только векселя на предъявителя, то бумаги лёгкие; остальные – целевые или именные, тут уже нужно понимать, какой дом согласится свой вексель подтвердить.

– А в Малене разве у вас нет хороших банкиров? – удивляется Бруно. – Чего в Ланн-то катить?

– Нет, в Малене никого нет такого, кто сможет со всеми бумагами разобраться. Тут, – он придвигает к племяннику ларец, – бумаги разных домов, разных земель. В нашем захолу-

стве обязательства всего пяти-шести домов хождение имеют, а в Ланне со всех земель бумаги оборачиваются.

– И вы знаете, к кому мне обратиться? – видно, что эта не очень-то простая задача не по душе молодому человеку.

Генерал задумчиво кивает:

– Да... Есть там один... господин. Раньше звали его брат Родерик. Важный пост имел при архиепископе. Интриган и ловкач ещё тот. Теперь зовут его Цумеринг, и он нынче лицо мирское. В общем, поп-расстрига, – Волков вспоминает этого человека. – И несмотря на это, этот Цумеринг – доверенное лицо Его Высокопреосвященства. Он ведёт его личные дела по имениям и собственности.

– О! – удивляется племянник.

– Да, человек он не маленький, – продолжает генерал. – Вот к нему ты с этими бумажками и поедешь.

– Примет ли? Не заставит ждать неделями? – сомневается племянник.

– Не заставит, тётушка твоя о том похлопочет.

– Графиня?

– Она, – Волков кивает. – Брунхильда у него в большой чести. К ней обратись. Познакомься с Корнелиусом Цумерингом, он влиятельный человек. Попробуй завести с ним дружбу, – Волков надеется, что тот поможет ему с захваченными векселями. – Пообедай, тетушка тебе поможет, я ей напишу.

– Хорошо, дядя, только домой заеду, с женой попрощаюсь – и в путь, – соглашается племянник.

– Нет, тянуть нельзя, – чуть подумав, отвечает ему дядя. – Туллингенцы могут вспомнить что-нибудь, писать в банки и отзываться векселя. Надо ехать сейчас.

Кажется, эта поспешность не радует молодого человека. Волков это замечает.

– В чём дело, Бруно? Что не так?

Племянник молчит сначала, а потом и произносит:

– Урсула.

– Что с нею? – Волков, признаться, давно не видал жены племянника. – Не больна ли?

– Да нет вроде. Она перестала со мной говорить...

– Говорить перестала? – не понимает генерал.

– Стала меньше разговаривать. Ужины себе в покои просит. До себя не допускает... Нет, допускает, но сначала молится... В церковь стала ходить ежедневно.

– И что же тут такого? – рассуждает генерал. – И что плохого, что она в церковь ходит? Хуже будет, если женщина в церковь ходить перестанет. Церковь бабам разум на место вставляет, так что радуйся, – Волков совсем не хотел вникать в отношения племянника и его жены. «Блажь всё это! В церковь ходит, ужин в покои просит. Мало ли что у бабы в её женской голове происходит. Какой дури там только не сыскать! Ему бы с моей пожить, тогда, может быть, и радовался бы, что его жена мало разговаривает». Но отмахнуться от этого всего Волков не мог. Урсула и Бруно связывали Эшбахт и кантон Брегген не хуже, чем общая выгода. И разлад, хоть какой-то, с семьёй Райхердов был владельцу Эшбахта совсем не нужен. – Она не похудела?

– Нет вроде, – отвечает племянник.

– Не беременна?

Бруно пожимает плечами: Бог её знает:

– Ничего не говорит.

– Перед отъездом напиши ей письмо. Ласковое, – предлагает племяннику генерал. Он видит, что разлад с женой серьёзен. – А в Ланне купи ей подарков. Самую лучшую ткань купи, какую сыщешь, золото, чулки из шёлка, не знаю, что она у тебя любит. Может, конфеты, может, пряники печатные. В общем, не скупись. А как приедешь, так непременно поговори с нею.

Женщин трудно понять, даже разговаривая с ними, а уж ежели не говорить, так вовсе понять невозможно. Если нужны деньги, я тебе дам.

– Деньги у меня есть. Спасибо за совет, дядя, – Бруно понимает, что разговор окончен. Он встаёт.

– Надо было тебе ехать с Нейманом, – размышляет генерал. – Ладно, пусть Рене найдёт тебе пару людей в сопровождение. Поцелуй матушку, передавай привет графине. Я напишу тебе письма к ней и к Агнес, завтра утром заберёшь, я оставлю тебе их – возможно, на заре уеду. Как вернёшься из Ланна с подарками для жены, так мы ещё поговорим о твоей Урсуле.

Так и вышло: едва стало светать, как он уже был в карете и ехал к Малену, так как дел у него было очень много. Принц приезжает. Возможно, будет уже через неделю.

– Ну, после тех слухов, что взбудоражили весь город, я уверен, что деньги на храм у вас есть, – произнёс отец Бартоломей без тени улыбки.

Волков сразу с дороги поехал в собор, где епископ только что отслужил и теперь собиравшись домой. Он как раз переоблачился в ризнице в повседневную одежду.

– Да, деньги отложены, – так же серьёзно отвечал ему барон. Он, правда, не стал уточнять, что пока только половина, остальное у него будет лишь после продажи олова, – Место выбрано, можно начинать строительство. Всё к тому готово.

– Пришлю к вам брата Марка. Не будем тянуть... Люди ваши заждались хорошего храма и истинного пастыря. Я вам найду доброго отца, – обещает святой отец, надевая на голову шапочку. Тут же продолжает: – А что же беглянка ваша? Ищете?

Это был последний вопрос, который генерал хотел бы услышать; он не сразу на него ответил, а дождался, пока они выйдут из ризницы, и лишь тогда сказал:

– Нет, велел не искать её.

И тут вдруг брат Бартоломей остановился и говорит ему:

– Удивили вы меня. Думал, в ярость впадёте, злиться будете. Искал слова для вразумления вас. Да, видно, Господь вас и без меня вразумил.

– Вразумил. А в ярость я впадал, и злился, – отвечает генерал, тоже останавливаясь. – Хватит. Решил не искать их – и так дел много, не знаю, как всё успеть. Пусть живут, как Господь положит.

– Храни вас Бог; отпустите её, отпустите, у неё и так жизнь не была сладкой, – епископ крестит его. – А то, что деньги на приход пошли с воровства, то, конечно, плохо.

«Отпустите её... – Волков ничего на то сказать этому доброму попу не может. – Ну хорошо, отпущу!». Но знает, что сказать насчёт денег.

– Ну... Господь, полагаю, меня простит, дело-то богоугодное, – замечает он.

Святой отец лишь горько усмехается в ответ, потом же они начинают говорить о делах:

– О праздничной мессе не беспокойтесь, друг мой, певчих по всем храмам собираю в один хор, сейчас каждый день новые гимны учат, капельмейстер брат Адриан дело своё знает, думаю, подивим вашего принца; колокола на всех колокольнях сейчас проверяем, кое-где новые колокола вешаем, звонарей учим новым звонам, так что звон тоже будет, думаю, не оплошаем пред сыном князьим.

Уж за кого-кого, а за отца Бартоломея Волков точно не переживал. И поэтому задерживаться у него не стал. Поехал дальше. И у Кёршнеров после обеда собрал своих друзей, чтобы узнать, как идут дела. Но заметную часть времени собравшиеся интересовались делом, свершённым им во Фринланде, а также обсуждались те слухи, что ходят в городе. Но когда генерал спросил у Фейлинга о том, как ведут себя Малены, то Хуго сказал, что ничего не знает, никто из важных Маленов ему последнее время на глаза не попадался, видно, разъехались по своим поместьям, затаились, но их стряпчий Бельдрих, извечный их холуй со времён старого графа,

ходит гоголем, никого не боится и ведёт дела в суде. Он сам его видел не далее как вчера у городского суда.

«Стряпчий Бельдрих... Да, он может знать то, что знать надобно и мне тоже».

– А этот Бельдрих, он не товарищ некоему адвокату Кристофу Альбину?

– Так одна шайка! – воскликнул Кёршнер. – И Бельдрих, и Альбин, и... этот, как его?! – он потряс рукой, прося помощи, но так как никто ему не помог, вспомнил сам: – ... Браун! Точно, они с судьями и выпивают частенько, разбойники истинные, все повязаны, уверяю вас, и действуют дружно, как банда... Я так знаю их хорошо, дважды с этой компанией в судах встречался.

Барон кивает.

«Теперь понятно; а как надобно, так для Гейзенбергов делишки обделывают не только в судах!».

А потом генерал стал говорить о том, что надобно ему как-то от города получить деньги на ремонт дома, но все собравшиеся на сие его желание смотрели кисло, не очень-то верили, что такое возможно. А Кёршнер ему и сказал:

– Виллегунд жаловался, что он от города едва может на приветственный обед в честь принца деньги получить. Казначей и консул говорят, что казна опустошена улучшениями и чистками в городе, – и он добавил: – А если у принца свита не очень велика, то я, как и договаривались, почту за честь принять его у себя.

Нет, он не собирался так просто отступить. Ему нужно было поговорить насчёт этого с сенатором Виллегундом, которого сегодня не было. Иначе после визита Его Высочества у него не было бы даже предлога просить денег на ремонт дома, который городу никак не принадлежит.

Глава 3

А к вечеру, когда они остались с четой Кёршнеров, сначала Дитмар рассказал ему, что на снос Хирморских трущоб магистрат денег пока не дал, всё серебро, что было, они направили на очистку канав у западной стены и городского ручья от хлама и падали, а также на ремонт и покраску зданий. А уже после Кёршнеры по-родственному стали выведывать у него подробности его мести туллингенцам. Особенно и Дитмар, и Клара хотели знать, правду ли говорят, что он захватил возы серебра. На что генерал лишь махал рукой в разочаровании: Господи, да какие там возы. И рассказал им, что прибыль с того дела, конечно, будет, да не такая, как он надеялся.

– Так – проценты погасить да ворота в замке поставить.

– Значит, достраиваете дом свой? – радовалась Клара.

– Да, но на отделку и мебель ещё нужно серебра, и на всякую домашнюю мелочь; надо ещё тысяч двадцать, по моим расчётам. А может, и более.

– Ох, ох, ох, – качал головой купец соболезнующе. – Уж как я вас понимаю, дорогой родственник, как понимаю. Батюшка мой, да и я ещё сам, в этот дом целые состояния вложили, а в замок-то ещё больше денег надо.

– Ну а ваши дела как идут? Как кожи? Продаются? – Волков желает чуть отвести разговор от баснословных «возов серебра».

– Ох, что и сказать, – вздыхал Кёршнер, – как мне дом Его Высочества отказал в подрядах, думал, дела будут худы, но слава Богу и вам, дорогой барон, теперь у нас есть река, и речные купчишки выручают, выручают... Сейчас как раз с одним таким купцом договариваюсь на годовые поставки. Хоть и цена никудышняя, но деньги будут верные и вперёд. В общем, Бог милостив, без хлеба не останемся.

– Ну и то хорошо, – говорит генерал и тут краем глаза замечает, как в столовую вошёл человек, он оборачивается и видит... Альмстада.

И это удивляет Волкова: лакей не доложил о том, что пришёл Ёж. Пришёл и вошёл в залу без позволения. Барон смотрит на хозяина дома: так и должно быть? А тот, в свою очередь, поясняет:

– А, так это наш Альмстад!

Ёж кланяется Кёршнеру и Волкову. А Дитмар и спрашивает:

– Герхард, ты ко мне или к господину барону?

– И к вам, и к господину барону, – отвечает Ёж.

И тогда Волков встаёт, и они с Ежом выходят из столовой и идут на гостевую половину дома, в покои, которые генерал считает уже чуть ли не своим домом в Малене.

А Альмстад изменился... Сменил костюм. В Эшбахте и он, и Сыч, выделялись своей одеждой. Носили часто такое платье, какое носят люди, принадлежащие к военному ремеслу. Они облачались в стёганки и куртки, кавалерийские сапоги, так как много времени проводили в седле, земля-то немаленькая. Всегда были при железе, носили дорогие шапки с перьями, перчатки, всячески подчёркивая свою принадлежность к власти. Теперь же он стал похож на горожанина. Куртейка какая-то, штаны по городской моде, башмаки, шапчонка в руках. Всё добротное, из хорошей материи, но без излишеств. То ли писарь рыночный, то ли приказчик в лавке.

– А ты, я вижу, переоделся.

– Ну а как иначе, экселенц? – отвечает Альмстад посмеиваясь.

– Приживаешься?

– Стараюсь, иначе буду бросаться в глаза. А надобно быть невзрачным.

– А что у тебя с Кёршнером? – Волков садится сам за стол и указывает Ежу на стул: садись.

– Ну так, чтобы на трактиры не тратиться, я иной раз сюда заходил – похарчеваться, да и на ночлег. Меня пускали по старой памяти, я же тут ночевал с Сычом раньше. А тут как-то заметил меня сам Кёршнер у дома, оказалось, он меня помнит, ну и поговорили с ним. Он на вид хоть и толстяк толстяком, но человек, как выяснилось, неглупый.

– Да уж неглупый, глупцы состояния, оставленные отцами, проматывают, а он только приумножает, – замечает генерал. – И что же, он что-то просил у тебя?

– Так... Кое-что, – скромно отвечает Альмстад, видно, не хочет раскрывать секреты хозяина дома. – Мелочи всякие.

Нет, нет... Генерал всё хочет знать:

– Так о чём он тебя просит?

– Ну, присматривать за его приказчиками, не сильно ли жируют. У кого жена что носит, да какой у кого дом, да какой конь... – вспоминает Герхард. – Думает, не сильно ли его обворывают.

– И всё?

– Ну... Есть у него ещё одна бабёнка... Дама, так сказать, сердца. Вдовушка. Такая... – Ёж улыбается и качает головой. – Горячая вдова. Он с нею в купальнях познакомился.

– Ах вот как, – удивляется генерал; он-то считал, что Кёршнер больше любит паштеты и вырезки, ну и свою замечательную Клару, а тут вон что...

– Да, и он всё боится, что к ней кто-то захаживает.

– И что же?

– Ну говорю же, бабёнка очень аппетитная, – продолжает Ёж всё с той же усмешечкой. – На такую многие позарятся. Она вовсе не бедна, у неё дом доходный, и ещё при доме том склад и конюшня, всё это она сдаёт, но как ходила в купальни, так и ходит, только теперь тайно, по вечерам. А купца нашего привечает, он на неё серебра не жалеет.

– А Дитмар волнуется, не имеет ли его зазнобу ещё кто?

– Так вот же... – соглашается Ёж. – Вроде не дурак, нашёл бабу себе где? В купальнях! Так чего же ты от такой хочешь? Чтобы верной тебе была? Конечно, ей подол кто-то нет-нет да и проветрит, не будет же ещё не старая баба сидеть да ждать, когда он заявится. А он, вишь, волнуется.

– Может, у него к ней чувства воспылали?

– Как есть, экселенц, как есть... – соглашается Альмстад. – Это как с Сычом. Тот тоже был человеком, а как эту свою молодуху повстречал, как поженился, так разом умом тронулся от ревности. Всё следит за ней и следит. Всё волнуется, что ей кто-нибудь вставит.

– Ревнует её, да... – это генерал и сам замечал. – Есть такое.

– Не то слово, – продолжает Ёж. – Бывало, заеду за ним поутру, поедем куда, а он отъедет от дома, свернёт в какой буерак и говорит: давай посидим. И вот мы сидим, а он не говорит, чего сидим, не хочет, только мордой бледнеет, как от злости, такая в нём лютость, а как высидим положенное, ну, что он там себе отвел, так едем обратно к нему домой. Значит, жену с хахалем заставить.

– И что, застали? – смеётся Волков.

– Нет, – Ёж тоже смеётся. – Не застали, и тогда его попустило немного на время. Отходит он, значит, когда жену не поймал. Вот и с господином Кёршнером так же, только без ярости. Он малость попрохладнее Фрица нашего будет. Ну а я ему помогаю, и живу тут теперь, и столуюсь.

– Ну да, – понимает генерал, – чего же не помочь хорошему человеку, тем более если он и платит к тому же.

– Ну, есть такое дело, приплачивает мне толстяк немного, – на этот раз нехотя соглашается Альмстад.

– Ну хорошо, хорошо, – кивает ему Волков, – ладно, давай про наши дела поговорим. Что узнал про Альбина?

– Угу, – кивает Ёж. – Кристоф Альбин. Вызнал я про этого адвоката всё, что смог. В общем, обычный стряпчий. Состоит в гильдии адвокатов. С голоду явно не пухнет.

– Адвокаты, как и вши, – замечает барон, – голодными не бывают.

– Да, это точно. Дом у него хороший, на Старых свинарниках. Коляска имеется.

– Дом на Свинарниках? Там, у западной стены, места хорошие. – вспоминает барон.

– Кухарка, лакей, конюх и ещё сопляк один, секретарь его, – продолжает Альмстад, – парень на побегушках. С ним на суды ходит, бумажки ему подаёт. Носит записки.

– Ну понятно, понятно. А что-нибудь необычное?

– Да ничего, – пожимает плечами Ёж. – Всё как у всех, любит пожрать хорошо со своими дружками-адвокатами, у них своя харчевня есть недалеко от ратуши... Там же суд рядом и лавки нотариусов.

– «Пьяный писарь», наверное, – говорит Волков, он знает эту харчевню. Это заведение с неплохой кухней.

– Точно, точно, – соглашается Альмстад. – «Пьяный писарь».

– Значит, ничего особенного?

– Ничего, – качает головой Ёж. – Разве что не женат он, хотя пора бы ему. Уже за тридцать лет.

– Не женат?

– Ни жены, ни детей, – подтверждает Герхард.

– А что-нибудь узнал про его дела с Маленами?

– Только то, что он защищал их интересы в суде, вот как в том деле, когда госпожа графиня, сестрица ваша, судилась за дом, так он там, по-моему, от Раухов был, кажется, я могу уточнить, ежели надобно будет.

– Ах, от Раухов, значит? – повторяет барон задумчиво и машет рукой: нет нужды уточнять. Не было никакой разницы: от Раухов ли, от Гейзенбергов ли, или был тот адвокатишка от

Ульбергов с Займлерами, всё это были Малены, его лютые враги, какие бы фамилии и гербы они ни носили.

– Господин, – прерывает его мысли Ёж. – Ещё, может, что нужно разузнать про адвокатишку?

– Теперь про другого, – вспоминает генерал. – Теперь ещё узнай про Бельдриха, он тоже адвокат. Деньги тебе нужны?

– Конечно нужны, экселенц, моё ремесло расходное, тому крейцер, другому два, глядь, талер и разошёлся.

Волков понимал, что большую часть денег из тех, что он Ежу выдал ранее, тот конечно же, не потратил, тем более что живёт и столуется прохода у Кёршнеров, но всё равно протягивает ему пять монет и напоминает:

– Адвокат Бельдрих. Ты разузнай про него. Будем думать, будем решать, с кем из них поговорить по-хорошему; надо выбрать одного, а для этого надобно знать, кто из них осведомлён лучше.

– А что мы хотим узнать от них? – интересуется Альмстад. – Главный-то вопрос каков?

– Вот ты болван! – генерал смотрит на своего человека с укором. – Неужто непонятно?

Во-первых, нам нужно вызнать, где они прячут Ульберта.

– Вепря? – уточняет Ёж.

– Вепря, – подтверждает генерал. – А во-вторых, выяснить, кто из горожан продолжает служить Маленам.

– Ну что же, выясним, – обещает Ёж. А после прощается и уходит.

«К Кёршнеру пошёл, про зазнобу его банную рассказывать», – подумал Волков, а после звал Гюнтера, чтобы тот нёс воду помыться перед сном.

Глава 4

Утром же он должен был извиниться перед Кёршнерами и сообщить, что завтракать с ними не будет. Сказал, что у него дела. А сам отправился на почту, где забрал некоторые письма, а после поехал с фон Готтом завтракать как раз в харчевню «Пьяный писарь», где его ждал Кляйбер, который ему и доложил:

– Всё сделал как вы велели, господа обещали быть.

Так и вышло: пока Волков выбирал стол, пока заказывал блюда и напитки, разглядывая заодно посетителей, по виду всяких судейских, появился Хуго Фейлинг со своим родственником, вторым человеком в фамилии Альфредом. А генерал меж тем думал, как угадать, есть ли тут сейчас адвокат Альбин или адвокат Бельдрих. Хуго уже почти отошёл от ранения, даже поправился немного, и теперь только шрамы на руке напоминали о том деле. Он для того, кажется, специально перчатку не надевал.

– Я видел графиню, она передаёт вам привет, друг мой, – сказал генерал, предвосхищая желание Фейлинга поболтать о красавице.

– Правда? – по-детски обрадовался тот. И тут же добавил то ли обиженно, то ли печально:

– Она мне совсем не пишет. Прислала лишь коротенькое письмецо – и всё. Как она поживает?

Даже его собственный брат посмотрел на него осуждающе: как же противно вы это говорите, братец!

– Она после этого случая стала необыкновенно набожна, – отвечал ему генерал, чтобы успокоить. – Последний раз я видел её в монастыре, перед отъездом, – он, конечно, не стал говорить Хуго, что в тот раз, когда они виделись, графиня была совсем без одежды. – Я знаю, что графиня провела в монастыре всю ту ночь.

– Это меня совсем не удивляет, – сказал Хуго. – Она пережила ужасные минуты. А граф что?

– Его Высокопреосвященство лично озабочен судьбой графа, он предложил графине взять чадо на воспитание в один из лучших своих монастырей, – сообщил ему барон. – Я рекомендовал ей принять предложение.

– Так это прекрасно! – сказал тут Альфред Фейлинг. – Всем известно, что нет в мире лучше образования, чем то, что могут дать монахи. А у архиепископа Ланна и монастыри хороши будут, а значит, и монахи умны.

И генерал, и брат его с этим соглашались: да, да, всё именно так. А тут как раз появился в заведении и сенатор Виллегунд, и был он не один, а с каким-то господином, и Волков тут же отвлёкся от печальной физиономии Хуго, так как Виллегунд стал его с тем человеком знакомить.

– Господа Фейлинги, вы этого человека знаете; господин барон, разрешите вам представить: сенатор Гумхильд.

Волков не стал изображать из себя вельможу, он встал и протянул руку для рукопожатия:

– Сенатор!

– Барон! – Гумхильд сразу вцепился в его руку так, что генерал испугался, как бы он не стал её лобзать прямо тут при всех. А сенатор без всяких обиняков заявил: – Все готовятся ко встрече принца. Надеюсь, что смогу быть полезен. Готов внести, так сказать, свою толику.

– Мы всегда рады новым друзьям, – отвечал Волков со сдержанной улыбкой. Он сразу заметил, что Фейлинги встретили господина Гумхильда без особого восторга. Тем не менее продолжал: – Прошу вас, сенатор, присаживайтесь, я распоряжусь подать посуду для вас.

А когда пришедшие рассаживались, Альфред наклонился к генералу и заметил тихо:

– Его в сенат проводили Гейзенберги. Он их человек. Это либо перебежчик, либо шпион.

Волков кивнул: я понял. Тем более что Виллегунд, когда разносчики принесли блюдо с жареными колбасами и раскладывали их гостям, тоже успел ему прошептать:

– Вчера просил меня, чтобы я его вам представил, уж очень настаивал, говорил, что хочет быть полезен. А я подумал, что лишний голос в сенате нам сейчас не помешает. Вы уж извините меня за подобную вольность, господин барон.

И ему генерал кивнул: хорошо. Ну и решил проверить, что за человек пришёл к нему на обед.

«Перебежчик или шпион?».

И начал, едва только лакеи ушли и у него появилась возможность говорить:

– Господа, я не знаю точно, когда приедет принц, но думаю, что у нас уже не очень много времени.

– Да, да, немного, – неожиданно для всех подтвердил его слова Гумхильд. И когда все поглядели на него, он пояснил: – Говорят, что принц со своей свитой уже через два дня направится в Штральсваген.

Это небольшое местечко находилось в двух днях пути от Малена.

– Откуда же вы знаете об этом? – поинтересовался Альфред Фейлинг.

– Знаю потому, что Исидор Раух фон Шойберн и Ханс Теодор Ульберт выехали в Штральсваген ещё вчера, – спокойно поедая колбасу, отвечал ему сенатор. – Полагаю, что господа Малены списываются с кем-то из свиты принца. Они знают всё о его перемещениях.

Эта информация даже Волкова обескуражила, что уж говорить о других господах.

– Наши Малены поехали навстречу принцу? – удивился вслух Хуго Фейлинг.

– А что вас удивляет, господин Фейлинг? – в свою очередь спрашивает у него сенатор Гумхильд. – Наши Малены и Малены вильбургские – родственники, отчего же им не поддерживать отношений?

На это Фейлингу возразить было нечего. И тут все почувствовали себя несколько неловко.

– И что же Раух с Ульбертом скажут принцу? – интересуется Хуго.

– Не знаю, господа, не знаю, – сенатор говорил и с удовольствием ел. Тут он вытер губы салфеткой и взял кружку с пивом. – Возможно, они будут уговаривать принца не посещать наш добрый город, а возможно, будут просить принца не знаться с господином бароном. Ну, хотя бы публично. Трудно сказать, что они задумали, но и первое, и второе осуществить им будет непросто. Уже всем известно: и сам курфюрст, и его наследник к нашему почётному маршалу, – тут сенатор отсалютовал генералу кружкой, – благоволят. Думаю, что господа Малены реально будут претендовать на место в свите юного князя. Не более того.

Скорее всего, сенатор был прав. Никакого серьёзного урона они причинить не могли, но вот то, что это крысиное семейство не сдаётся, что они продолжают вредить ему как могут, противостоять даже там, где он считал своё над ними превосходство полным, это Волкова почему-то раздражало. Раздражало – это мягко говоря. Он немного подумал... А впрочем, почему они не смогут навредить? С чего это он так решил? Возможно, они попытаются помешать празднованиям в честь приезда принца. Сорвать шествия, устроить беспорядки, какими-нибудь сварами, драками помешать обеду или балу. Попытаться убить кого-нибудь. Если они среди бела дня решились напасть на Брунхильду и юного графа, если они не побоялись устроить штурм дома Кёршнера, чего им стесняться тут? От этих мыслей у него портится аппетит, он не сдерживается, комкает салфетку и бросает её на стол. И тут же понимает, что все за столом глядят на него и что ему нужно продемонстрировать уверенность в себе. Нужно что-то сказать им, и он находит неплохой вариант, хорошую тему. На первый взгляд этот вопрос никак не пересекался с противодействием Маленов, он, наоборот, подчёркивал то, что генерал не очень озабочен этим противодействием. Но это ему сейчас и было нужно.

– Друг мой, – он обратился именно к сенатору, – меня сейчас больше волнует состояние графского дворца.

Тут сенатор Гумхильд смотрит на него с интересом, а Виллегунд и братья Фейлинги с удивлением: о чём это вы, генерал? Неужели вас дворец интересует больше, чем козни Маленов? Да, так и есть, и, как бы подтверждая это, он продолжает:

– Бог с ними, с этими Маленами, я хочу отремонтировать дом моего племянника, вы же знаете, негодяи поругали его и разгромили, а я в преддверии приезда Его Высочества хочу просить у города субсидий на ремонт, так как сам нахожусь в стеснённых обстоятельствах.

– Но, как бы то ни было, – разумно предполагает Гумхильд, – даже если магистрат и пойдёт на подобные траты, то до приезда в город принца вы не только не успеете провести ремонт, вы и сами субсидии не успеете получить.

Но генерала это ничуть не смутило, и он, глядя на сенатора, продолжает:

– Тем не менее, я хотел бы попробовать, а уж когда будут деньги, завтра или через месяц, – то дело не первое.

– Ну что же, – Гумхильд ничуть такому напору не удивляется. – Если запрашиваемая сумма будет разумной, я готов проголосовать за. И вот у вас, дорогой барон, уже три голоса в сенате: я, представитель господ Фейлингов и уважаемый господин Виллегунд, осталось только узнать о запрашиваемой сумме. Надобно для того только осмотреть дворец, проинформировать аудит...

Но Волков прервал его:

– Это слишком затянет дело, давайте сразу начнём и просить много не будем. Просто запросим пять тысяч. Всё равно это намного меньше, чем требуется. Тем более мы ограничены временем, какие уж тут аудиты.

Гумхильд помолчал и ответил:

– Я думаю, что лучше будет, если мы повысим шансы посредством понижения суммы. Давайте сделаем запрос на три с половиной тысячи талеров.

– Хорошо, – неожиданно для всех соглашается Волков, он был бы не против получить и эти деньги, хоть они все пойдут на замену окон, дверей и паркетов во дворце. – Но тогда у меня к вам просьба: запрос на эту сумму... пусть он будет не от господина Виллегунда, а от вас.

И на это сенатор ответил:

– Я всё сделаю, сам подам запрос председателю и выступлю в его поддержку.

– Прекрасно, спасибо вам, господин Гумхильд, – кивает ему барон.

После беседа пошла живее, оказалось, что Гумхильд во многих городских делах разбирается. И они стали решать, что ещё предпринять для встречи. А Гумхильд и говорит:

– А пусть городские девы, как на праздник эдельвейсов весной, устроят проход перед принцем и осыпят его путь цветами.

И эта мысль всем пришлась по вкусу.

– Отличная мысль, ничто так не заинтересует молодого человека, как прекрасные девы в лучших одеждах и с цветами, – оживился Хуго Фейлинг. – Просто на праздник весны собираются все кому не лень, а тут надо отобрать пару сотен самых пригожих. Да собрать цветов, то будет недорого.

Волков был согласен с ними:

– Прекрасная мысль.

– Да, и я уверен, что девы и сами захотят пройтись перед принцем. Покрасоваться. И главное, всё это красивое действие для казны города ни во что не встанет, – продолжал Хуго воодушевленно. – Пообещаем всем им, что те, кто будет в шествии, все будут приглашены на бал вечером. И того будет довольно.

Эта идея пришлась господам по вкусу. И они её обсуждали, наряду с шествиями цехов и коммун. А многие господа судейские, завтракавшие тут же в «Пьяном писаре», с интересом наблюдали за ними и по возможности прислушивались к ним. Может быть, даже и приплатили кому-то из лакеев, что обслуживали стол генерала, чтобы тот подслушал, о чём говорят уважаемые господа за тем столом. Но генерал не думал что-то утаивать из всех этих разговоров, наоборот: пусть слушают. Все должны знать, что сейчас для него главное – это как следует встретить наследника и будущего курфюрста Ребенрее.

Ехав домой, Волков всё ещё так и не решил:

«Перебежчик или шпион?».

Из-за появления нового человека он не смог обсудить кое-какие вопросы со своими сторонниками, но несмотря на это, перед тем как сесть в карету, он сообщил Виллегунду:

– Вы правильно сделали, что привели его сюда.

– Слава Богу, что вы так думаете, этот Гумхильд необыкновенно ловок, давно его знаю, не зря же Гейзенберги держали его при себе, я думаю, он сможет быть и нам полезен, – отвечал генералу сенатор с видимым облегчением.

А в городе и вправду шли приготовления. Нет, нет, Мален и раньше нельзя было назвать сонным городишкой, где жизнь течёт медленно и ничего не меняется день ото дня. Всё-таки это был самый крупный город в истоках большой реки, а теперь ещё имеющий хоть и не близкий, но всё-таки выход к хорошей пристани. Мален был и раньше знаменит множеством цехов и ремесел, и купцов с богатым бюргерством здесь хватало, а жизни городу придавал вечный приток крестьянских сыновей, которым не досталось земли от отца. Вот и стекалась сюда свежая кровь со всех окрестностей, и это при том, что крестьянину, чужаку. всегда устроиться в городе непросто, тут и для своих не для всех места хватало. Но крепкий город всегда прирастал полнолюдными посадами и пригородами, и в том была сила Малена. Он рос и крепчал, и теперь генерал, проезжая по его кривым улицам, видел изменения, те, которых привыкший глаз раньше и не замечал. Мален зашевелился: телеги с мусором тянулись к воротам целыми вереницами, по распоряжению магистрата у выборных улиц хозяева и хозяйки зачастую сами выходили и мыли фасады домов перед побелкой. Мылись и мостовые, для того приезжали

бочки водовозов. Ну а что делать, если за жаркое лето не было ни одного сильного ливня из тех, что бурными потоками вымывали всю грязь с мостовых. Кругом снимались вывески. Хозяева ждали новых или, сами взявшись за кисти, чтобы не тратиться на художника, кое-как рисовали их своими силами. И трубочистам нашлась работа: закрасить копоть на трубах, стенах и крышах. Кое-где, совсем не ко времени, – утренья-то давно минула – звенели колокола: в общем, город чистился, ждал великого гостя.

И как сказал, чуть пафосно, господин Виллегунд:

– Возможно, Его Высочество тут пробудет один день да одну ночь, но за тот день он запомнит наш город, и хочется, чтобы Мален ему не вспоминался как грязная дыра, покрытая слоем угольной копоти из кузниц, где-то на самом краю его владений.

И все с ним были согласны. Да, этот богатый город Волков отдавать Маленам не соби-рался. Он выгнал их отсюда после нападения на Брунхильду, выпер взащей, с оплеухами и пинками, и не думал останавливаться на достигнутом. Барон готов был предпринять всё возможное, чтобы укрепить здесь свое влияние ещё больше. И, возможно, ловкий Гумхильд, почувствовавший, куда всё-таки склоняется чаша весов, мог ему пригодиться. И перед тем как все покинули «Пьяного писаря», Волков спросил у того, где он проживает. И сенатор без проволочек назвал свой адрес.

Глава 5

Прежде чем поехать к Кёршнерам, он заехал на почту, думал, вдруг весточка от принца будет, но нет. Для него в тот день писем вообще не было. А после обеда его звали в ратушу, это был сбор цеховых старшин и выборных глав коммун города. На этом сборе решались вопросы шествий. Скукотища, на которой ему, конечно, делать было нечего, цеховые рядились, кто за кем пойдёт, как обычно. Но он мужественно высидел два часа нескончаемых препирательств, на которых всё-таки решилось, что скорняки, седельщики и перчаточники, то есть все люди Кёршнера, пойдут первыми. Тут никто спорить не стал. А ещё Хуго Фейлинг, усевшись рядом с генералом, опять завёл разговор о графине. И Волкову, гася в себе раздражение, пришлось обещать ему, что обязательно напишет Брунхильде и будет просить её, чтобы она ответила пострадавшему за неё человеку.

– Не волнуйтесь, друг мой, она вам напишет, напишет, – обещал он, думая, что для Брунхильды теперь несчастный Хуго – всего-навсего брошенный где-то там в провинциях любовник. В столичном Ланне у неё есть человек повлиятельнее и, главное, более богатый. Она просто отмахнётся от старого дружка: ой, да обойдётся. Переживёт как-нибудь. Но раз генерал обещал Фейлингу, то он своё слово собирался сдержать, а поэтому думал отправить письмо Агнес, уж та найдёт способ заставить графиню взяться за перо. И ещё сама надиктует текст.

После этого заседания, после долгих прощаний с представителями цехов, у которых то и дело возникали к нему какие-то пустяковые вопросы, они с Кёршнером наконец поехали домой ужинать. А после ужина сидели за столом за вином и сыром, беседовали. Но едва стало смеркаться и Дитмар стал украдкой позёвывать, как генерал звал к себе Кляйбера и велел запрягать карету.

– Куда же вы на ночь глядя? – удивлялась Клара Кёршнер.

– Дела, моя госпожа, дела, – отвечал ей генерал.

– Какие же дела ночью? – недоумевала хозяйка дома.

А Волков лишь смеялся.

– Такие, которые за меня никто не сделает, – отвечал он ей.

И вправду, это дело за него никто сделать не мог. Он взял с собой лишь фон Готта, Кляйбера и ещё двух человек из домашних людей Кёршнера. Так и поехал по сгустившимся сумеркам на тихую, вопреки своему названию, улочку, на которой не было никаких ремёсел,

складов или цехов. Здесь было чисто, и люди проживали на ней благообразные. Звалась улица Пивная. И проживал на ней сенатор Гумхильд.

Стараясь не разбудить всю улицу, фон Готт стучал в дверь дома, потом тихо препирался со слугой, требуя, чтобы тот доложил своему господину, что его ждут.

В общем, нужный генералу человек появился в его карете не сразу, был он одет наспех, в руке держал фонарь и поглядывал на барона насторожённо. Может даже, скрывал страх, стараясь выдать из себя приветливую улыбку. Страх, намёка на который утром Волков в нём не замечал. Барон тихонечко усмехался в тёмном углу своей кареты, понимая, что сенатор не привык к подобным визитам в темноте. Но в том-то и была его задумка. Уж больно уверенно держался этот горожанин утром. Нужно было встряхнуть его немножко, а когда барон понял, что «встряхнул» сенатора, он сразу, без длинных прелюдий и излишних вежливостей, заинтересовался:

– Кто велел вам сблизиться со мной?

Всякого ответа ждал барон, и умного, и незатейливого, больше всего ожидал удивлённого вопроса в ответ на его вопрос, но сенатор вдруг и говорит ему:

– То был Валентайн Гейзенберг.

– Валентайн? – удивляется Волков. Он не помнил такого человека в этой фамилии.

– Старый Хуберт ещё крепок, совсем недавно был боец, но после того как вы у них отобрали дворец в городе через суд, а после ещё как разгромили один из их домов, он сильно сдал, заперся у себя в поместье, никуда не ездит, не охотится, говорят, даже распродаёт псарню, теперь всеми делами фамилии заправляет старший из его сыновей, Валентайн Вильгельм. Он и велел мне к вам в доверие проникнуть.

Эта прямота, с которой Гумхильд всё ему рассказывал, признаться, удивила и даже немного смутила Волкова. Ведь это он хотел смутить сенатора ночным визитом, а вышло, что и тот был кое на что способен. И тогда генерал спрашивает:

– А где же укрылся старый глава рода?

– Так в Айхштете, где же ему быть ещё, там их родовое гнездо.

– М-м... – про это место Волков уже слышал, и он сразу берётся за дело. – А Вепрь там же прячется?

– Вепрь? – переспрашивает сенатор. – Уж об этом мне не говорят. Об этом они и раньше не распространялись, а теперь, после того как вы дважды на него облавы устраивали, как ловили его подручных, так его место и вовсе большая тайна.

Вряд ли он врал, скорее всего ему и вправду ничего не было известно о разбойнике Ульберге.

– А кто же выпустил его подручных из тюрьмы? – интересуется барон. – Я-то их ловлю, но долго в тюрьме их не держат.

– И этого я вам доподлинно сказать не могу, – отвечает ему сенатор, – но человек, который, несомненно, приложил к этому руку, – то адвокат Бельдрих.

– Бельдрих, – повторил Волков.

– Ну а кто же ещё? – продолжает сенатор. – Старейшина гильдии адвокатов, он служил ещё старому графу, покойнику, храни Господь его душу, теперь вот служит Раухам. Он знает всех судей, всех прокурорских, знает, кому сколько занести для дела.

– Важный человек, как я погляжу, – негромко произносит генерал.

– Ну а как же, первый адвокат города. Без него Малены никуда.

– Думаете, он посвящён во все их дела?

– Во всё, что касается дел судейских и дел городских, – непременно, – заверяет его Гумхильд. – Он их ближайший поверенный. Они ему доверяют.

– А к нападению на графиню он может быть причастен?

– Это вряд ли; кто бы ему стал о том говорить? – его собеседник поправляет фонарь. – Ни к чему ему это. Зачем адвокату знать про кровь и железо? Его оружие – чернила, да перья, да тома законов. Он и без железа много вреда принести может.

«Может, может, даже и без чернил может. Просто нанимая охульников, чтобы те клеветали на Брунхильду по базарам да площадям!».

– И после старого графа он трудится для Раухов? – продолжает генерал.

– А чего же ему не трудиться на них? И при графе, и при них он всегда в силе; пользуясь их покровительством, он на других силу свою применял, никто ему противиться не мог, ни судьи, ни другие стряпчие, все же всегда знали, чей он человек. Дела Бельдрих вел несправедные всегда. То в пользу Маленов, то в свою. На том он и разбогател, – поясняет сенатор.

– А дети есть у него?

– У него три дочери, так вот одного зятя с собой в суды таскает. Наследник он у него. Хотя тому бы гусей лучше пасти, по причине врождённой бестолковости, – отвечает генералу его ночной собеседник.

– Значит, Раухам стряпчий служит в делах законных, а в делах незаконных они своих родственников Гейзенбергов используют?

– Ну да. Но Гейзенбергов и просить не нужно. Семейство злое, оголодавшее, шесть братьев всё-таки, пятеро без земли, и у всех шестерых – семнадцать сыновей, а у некоторых из этих уже и свои сыновья народились, так что им только пообещай чего-нибудь, они уже и так стараться будут. А Раухи титул жаждут, вот вы им и мешаете.

– Ну а как же вы? – вдруг спрашивает генерал.

– Я? – сенатор не сразу отвечает.

– Да, вы... Сидите и всё мне тут рассказываете, разве о том вас Валентайн Гейзенберг просил?

– Нет, не о том, – соглашается Гумхильд, – Валентайн Вильгельм Гейзенберг просил меня стать ближе с сенатором Виллегундом, чтобы знать, что Эшбахты замышляют, а уж к вам приблизиться я сам решил. Поэтому и просил Виллегунда.

– И зачем же вам со мной сближаться?

– Так мне лучше будет. Не хочу остаться на проигрывающей стороне.

– Думаете, что Раухи – проигрывающая сторона?

Тут сенатор молчит некоторое время. И лишь потом произносит:

– Они замшелые... Не чувствуют, что новые ветры веют. Не чувствуют. Как будто слепые, не видят ничего, ничему не учатся. Не хотят знать и слышать. А времена пошли другие, времена храбрецов и больших денег. А Раухи и Ульберты всё про свою древнюю кровь талдычат, про свои права, про надель... А в городе некоторые купцы уже богаче всей их высокородной оравы будут. Опять же хоть Кёршнеров ваших бери, хоть Фейлингов. Малены – прошлое, а такие, как вы, – будущее.

– Такие, как я? – уточняет генерал.

– Такие, как вы, – подтверждает сенатор. – То есть люди дела. Вы да Дитмар Кёршнер как раз новые люди и есть, он в делах кожевенных, вы в деле военном. Поэтому вы будете принца встречать, а не Валентайн Гейзенберг и не Карл Раух. Поэтому к вам благоволят герцоги и архиепископы.

«А он хитёр! Вон как красиво говорит, и слова его за лесть не всякий примет. Уж очень складно слагает, очень...».

– А что же, Валентайн сейчас в городе? – продолжает интересоваться Волков.

– Нет, чего ему тут быть, когда вы приезжаете. Среди них впрямую схватиться с вами желающих вы не найдёте... Хотя... Вы не пренебрегайте охраной, у Маленов много молодых людей, что злы на вас, злы до ненависти, они могут что-то устроить, да только исподтишка, но этих молодцов старшие отговаривают от того, чтобы взяться за кинжалы и аркебузы. Да и

то лишь потому, что боятся вашей мести в случае конфуза. Такого конфуза, который вышел с графом и графиней.

Это генералу было и так ясно, и так как ему кажется, что Гумхильд не хочет говорить, где находится Валентайн Гейзенберг, он настаивает и снова спрашивает:

– Так где же сейчас Валентайн?

– Наверное знать не могу, – отвечает ему сенатор, – но велено ему писать в их замок, в Гейзен, что будет в трёх часах пути, если верхом от города, как раз на север.

Тех мест Волков не знал, дорога на Вильбург шла чуть западнее.

Но он запомнил и кивнул: хорошо.

– И что же вы собираетесь ему теперь писать?

– Ну, раз уж нас видела половина судейских нашего города, то напишу, что завтракал с вами. Говорили о приезде принца и о субсидиях на ремонт дворца, – тут Гумхильд усмехается, – ну, за это Малены вам даже благодарны будут. Они же всё думают, что сгинете вы на какой-нибудь войне, а наследник ваш молод, граф молод, так всё ваше им пойдёт, – и тут он говорит фразу, от которой у генерала закипает злость, как вода в походном котле: – Они и на ваш Эшбахт облизываются.

– На мой Эшбахт?

– Ну а как же! Папаша Хуберт, не вспомню точно когда, кажется на празднике урожая, прямо тут, во дворце графском, пару лет назад то было, так и говорил за столом, за вином, при мне это было и при других людях городских, поднимал кубок и говорил: Эшбахт – вотчина Маленов, испокон веков ею была и вскоре снова будет, то, мол, ему сам герцог обещал. Значит, пока Эшбахт барбарисом зарастал, он никому из них надобен не был, а как у него дорога да пристань появились, да замок в округе лучший, так сразу и вотчина их. Говорю же, замшелые они, сами ничего создать не могут, вот на ваше и зарятся.

Едва сдержался барон, чтобы не сорваться. Уж теперь точно ему не было ясно, кто кого в эту ночь решил смущать. Но он смог сдержаться и лишь кивнул на это: да, я понял. А сенатор и продолжает:

– Он хвалился, что курфюрст ему эти земли вернёт, когда в вас нужды у него не будет, – и кажется Гумхильду, что барон то ли не слышит его, то ли не верит, то ли не берёт сих слов в расчёт. И посему он продолжал, так как будто хотел собеседника убедить: – Не я один это слышал, это и меняла Остен слышал, и Брум-младший, тот, что Иоахим Брум, который держит мукомольни за городом. Все были тогда на том застолье. Все тогда тем словам подивились. Но я думаю, что это всё бахвальство, хвастался старик. Но, если нужно, вы про эти слова у того же Остена спросите.

– Зачем же у каких-то Остенов спрашивать? – спокойно вопрошает генерал. Теперь он свой гнев усмирил и был до неприятного холоден. – Я сначала у самого герцога про это спрошу, послушаю его, а потом и у Хуберта поинтересуюсь.

И так он это сказал, что у говорливого сенатора слов больше не нашлось. Притих он в углу кареты.

Когда они попрощались, Волков ехал и думал, что слова сенатора лучше на веру не брать, что надобно всё за ним проверять. Ведь сколько они ни разговаривали, генерал так и не понял:

«Перебежчик или шпион?».

А вот едва он вспоминал про Эшбахт, про то, что его любимый и оживший за последние годы Эшбахт, выстроенный им из ничего на безлюдных глиняных холмах, поросших кустарником, может попасть в лапы этой жадной и спесивой своры... Тут в нём начинала клоко-таться ярость. Да такая, что круги плыли перед глазами. И это он ещё не вспоминал про своего наследника, молодого барона фон Рабенбурга, и графа Малена, про их судьбу в том случае, если с ним что-то произойдёт. И тогда лишь одно помогало ему, и это была фраза, которую генерал повторял уже как молитву, запомнившуюся с детства:

«Надо достраивать замок».

И, конечно же, это его состояние ещё аукнулось ему вернувшейся в эту ночь бессонницей. Генерал после полуночи будил слугу, и тот выдал ему сонные капли. Но он предполагал, что они не помогут, так как их желательно употребить заранее, а ещё они не помогут, потому что, выпив их, нужно успокоиться. А как тут успокоиться, после таких-то ночных разговоров? Лишь одно в голове крутилось:

«Банда, жадная банда, что тянет руки к чужому! Прав сенатор, ничего сами не могут, только лишь отнимать!».

Какое тут спокойствие? Волков пытался читать. Но и это у него не получалось. Мысли всё время возвращались к тому будущему, в котором его уже нет, а сын и «племянник» остаются против его могущественных врагов. Два ребёнка против целой кучи злобных врагов. В общем, он выпил почти целый кувшин вина и принял несколько важных решений, прежде чем смог уснуть. Но сон пришёл едва ли не под утро.

Глава 6

Утром встал много позже завтрака. Состояние – ну, как после любой бессонной ночи: разбит и зол, голова мутная. Гюнтер, зная своего господина не первый год, всё делал без просьб и напоминаний, почти без слов. Вода, одежда, спросил лишь о пожеланиях к завтраку. Сам развёл порошок из тех, что были приготовлены ему доктором Брандтом, в прошлом монахом Ипполитом, подал господину. И лишь потом сказал:

– Вас ждут. Господин Ёж. Ещё вчера вечером к вам заходил, но вас не было, а ещё я вам говорил, что здесь соискатель на место второго слуги.

– Слуги? – переспросил генерал.

– Вы просили найти второго слугу, – напомнил ему Гюнтер. – Я нашёл, но в прошлый раз мы уехали, он пришёл снова, с утра вас дожидается.

– И как он тебе? – нехотя интересуется барон.

– Из городских. Его рекомендовала госпожа Клара. Образован, молод, работал в аптеке. Разбирается в травах, кажется добрым парнем. Вот всё, что я могу о нем сказать.

– Ладно, я поговорю с ним.

– Завтрак прикажете подавать сюда или в столовую? – спросил слуга, прежде чем унести таз и воду.

Волков подумал секунду. Он собирался поговорить с Ежом и поглядеть на нового слугу; всё это делать в большей гостиной, где скорее всего будет присутствовать хозяйка дома, он не хотел:

– Сюда подавай. Первым делом кофе неси.

– Уже сварил, – Гюнтер знал привычки своего господина. – Кого прикажете позвать первым?

– Подавай кофе и зови ко мне этого образованного и городского. Хочу на него взглянуть.

Гюнтер привёл соискателя. Встал у него за спиной. Что первое бросилось Волкову в глаза, так это опрятность шестнадцатилетнего юноши. Одежда и обувь чистые, сразу видно, что отец привил мальчишке склонность к порядку. В глазах генерала то был большой плюс.

– Меня зовут Питер Вольф, господин, – кланялся юноша. Он встал недалеко от стола и держал в руках шапку.

– Твой отец работает у Кершнеров? – Волков разламывает жёлтую и жирную от сливочного масла сдобу и кладёт на неё варенье из слив, в его большой чашке тает в кофе немалая порция белоснежных взбитых сливок.

– Именно так, господин.

– И ты понимаешь, каков должен быть порядок и чистота и в вещах, и в доме?

– Именно так, господин.

– Мне сказали, что ты знаешь травы, что ты работал в аптеке.

– Да, господин, мой дядя – приказчик у аптекаря Фойзерта, я состоял при нём с одиннадцати лет, мы собирали, сортировали и сушили травы, я сам делал сборы для питья от разных болезней. Знаю, как делать мази от распухших суставов. Я записывал заказчиков и адреса, разносил заказы, вел книгу продаж и расходов трав.

– Значит, ты грамотен, – он покивал юноше. Это генералу подходило, иной раз вечером хотелось как-то отвлечься от дел и полистать книгу, но глаза уставали уже через час чтения. Но у него были и другие вопросы. – А ездешь ли ты верхом?

– М-м... Скорее нет, господин, – замылся Петер. Но тут же нашёлся, что добавить: – Но я справляюсь с повозкой, знаю, как обходиться с меринком или мулом, господин. Много раз выезжал за город один.

– Какое-нибудь белое оружие? Аркебуза? Арбалет?

– Боюсь, что нет, господин.

– Ладно... Хорошо, – генералу парень понравился. – Я возьму тебя к себе – если ты не боишься переездов, конечно.

– Я не боюсь дорог, господин, – заверил барона молодой человек, – наоборот, я никогда не уезжал из Малена и хочу повидать другие места и города.

– Повидаешь, – обещает Волков. – Гюнтер, возьми денег из тех, что на расходы. Купи ему приличную одежду, пусть она будет синих цветов. А ты, – теперь генерал обращался к Петеру, – будешь учиться у старшего, полгода твоё жалование будет два талера в месяц. А там будет видно.

– Благодарю вас, господин, – парень кланялся генералу. – Благодарю вас.

– Ступай, – старший слуга хотел выйти с ним, но генерал его окликнул: – Гюнтер!

– Да, господин.

– Вот что... – Волков чуть подумал. Вчерашний ночной разговор только добавил ему подозрительности, а тут новый человек, – ты ещё купи себе ларь под мои лекарства, а то ты, как знахарка деревенская, держишь их в корзинке.

– Так. Купить ларь, – повторил слуга. – Полагаю, ларь вы хотите на ключе?

– Конечно же на ключе, зачем нам ларь без ключа? Хочу, чтобы к моим лекарствам ни у кого, кроме тебя, не было доступа, – подвёл итог генерал.

– Понял. Значит, мальчишке хорошую одежду синего цвета. А себе куплю ларец с замком под лекарства, – произнёс слуга; но прежде чем уйти, он уточнил: – Купить ему берет из бархата? – он специально это спросил. Бархатный берет синего цвета мог стоить дорого.

– Да, и хорошие башмаки, – закончил этот разговор генерал. – Позови сюда Ежа.

Ежа он пригласил за стол. И тот стал рассказывать ему про адвоката Бельдриха:

– Он не один, этот Бельдрих, зовут его Диоген, вокруг него их там целая банда, этих бумажных душ, а он у них главный; старик толстый, он глава гильдии, он утром из дому вышел, а его уже три человека ждут, у него одних секретарей две штуки, я только начал, экселенц, но уже понятно, утром встаёт рано и почти сразу в суд едет, у него карета своя. Он на ней и едет. Все остальные с ним. Я уходил, он там был.

Этого генералу было мало, хотя, в принципе, ещё из ночного разговора он сделал для себя выводы. Но то, что рассказал ему сенатор Гумхильд, ещё нужно было подтвердить. Проверить. Честно говоря, он не доверял этому ловкому сенатору, который так хорошо разбирается в веяниях времени и так своевременно меняет сторону. Но с другой стороны, Альмстад, сколько бы ни следил за толстым стариком, не смог бы подтвердить, что Бельдрих – ключевой человек Раухов или Гейзенбергов, их юридическая опора в Малене. Для этого барону нужны были иные способы.

«Тут мне потребуется Сыч».

Он всё ещё слушал Ежа, но уже прикидывал свои ближайшие шаги. И размышлял над тем, когда их нужно предпринять: сейчас, немедленно, или подождать, пока принц покинет город. После нелёгкой ночи, после бесконечной череды плохих мыслей и страхов за близких сердце требовало немедленных действий. Действий самых решительных. Но генерал всю жизнь старался держать свои чувства в кулаке и теперь не собирался изменять себе.

«Нет. Не буду торопиться. Несколько дней ничего не решат».

И он уже готов был сказать Ежу, чтобы тот продолжил, но тут двери в его покои распахнулись... И в них появился хозяин дома.

– Дорогой родственник! – Дитмар был мокрым, лицо его покраснело от непривычных для него волнений и спешки, и уже одно то, что он ввалился в покои Волкова без доклада, говорило о необычности ситуации.

– Что такое?! – Волков встал. Вместе с ним встал и Альмстад.

А Кёршнер и вымолвил ему, почти выкрикнул:

– Принц. Принц едет!

– Да где же?

– Так утром со свитой был в Хуккинге!

Генерал знал это место, три часа езды на север в сторону Вильбурга. Он сам пару раз останавливался в том городишке, там был сносный трактир.

Волков потряс головой.

– Не может того быть! Он обещал мне писать! Я вчера был на почте, не было от него вестей!

Тут Кёршнер оборачивается к распахнутым дверям.

– Адольф! Адольф! – и сразу в покоях появляется человек, он кланяется генералу, а хозяин дома требует: – Адольф, расскажи господину барону, что видел.

– Конечно, – человек ещё раз кланяется. – Я ещё до зари, едва ворота открыли, повёз в Хуккинг упряжь и хомуты...

– Не надо про хомуты! – прервал его генерал. – По делу говори!

– Хорошо; ну так вот, уже уезжать мне, я всё сделал, и я поехал через город, мимо их церкви, как раз утренняя служба закончилась. А там... Гляжу, кавалеры, все на красивых конях, все в красивых одеждах, все кони под попонами... все с гербами.

– Какие гербы? – сразу спрашивает генерал.

– Разные, господин, разные; попоны у всех одинаковые, и на них герб один, Маленов герб, герцога нашего, но на щитах, что у них у сёдел, все гербы разные.

Волков кивает: понятно, хотя ему ничего не понятно. А человек продолжает:

– И их целая площадь перед церковью. И ещё дальше кареты, кареты на улице, в них уже впрягают лошадей, телег множество. А когда я уже выехал из города, там вдоль дороги ещё было много кавалеров, но уже без попон, они все спешены были, а ещё были добрые люди, многие сидели на траве под деревьями. Они, значит, ждали. Много флагов, а на флагах тех были гербы нашего герцога. Я же сразу сюда поехал, доехал – птицей долетел, и сразу вот к господину Кёршнеру, так как знаю, что мы принца ждём.

– Ну, – хозяин дома промокает потное лицо большим платком из шитого батиста, – что же будем делать, господин барон? Мы же ещё не готовы.

Волков и сам не знает, что делать. Но делать что-то нужно.

– Гюнтер!

Появляется Кляйбер.

– Генерал, он ушёл с этим молодым.

– А, вот! – Волкову тут приходит в голову мысль. – Давай-ка скачи, друг, на север, по дороге на Вильбург, на Хуккинг. Помнишь, где это?

– Разберусь, – обещает оруженосец.

– Я хочу знать, далеко ли принц.

– Понял, – кивает Кляйбер.

– Да, и скажи фон Готту...

Тот тут же появляется в дверях.

– Что мне сказать?

– Распорядись запрягать карету.

И пока оруженосцы уходят, Кёршнер в панике комкает платок, прижимая его к груди.

– Барон, дорогой мой, а что же мне делать? У нас же ничего не готово, зал в ратуше ни для пира, ни для бала не готов, не украшен, оттуда ещё лавки не вынесли. Повара ещё не собраны, ещё даже закупок не делалось, а ленты... Ленты в цветах Ребенрее ещё не готовы. Ничего не готово у нас! Что же делать?

– Не знаю, дорогой мой родственник, – отвечает ему Волков. – Прикажите своим поварам готовить обед, – но он вдруг передумывает: – Нет, ужин. До ужина у них время есть, покормим молодого герцога хотя бы.

– Но там же одних кавалеров несколько десятков! – напоминает ему Кёршнер. – Мне их и рассадить будет негде.

– Нет, кавалеров мы здесь кормить не будем, только ближнюю свиту, это человек двенадцать, – и тут он начинает вспоминать тех людей, что в городе считают партией Эшбахта, – плюс я, вы, Фейлинги, секретарь магистрата, бургомистр, капитан ополчения Вайзен, капитан стражи с двумя ближайшими офицерами; в общем, готовьте ужин человек на тридцать.

– О Господи! Как всё это неожиданно! Надо сказать Кларе, – бормочет толстяк в растерянности, и потом вспоминает: – А вы, барон?

– А я, пока вы готовите ужин, попытаюсь выяснить, что вообще происходит и кто к нам вообще едет! – отвечает ему Волков.

Он сразу поехал на почту, и там его ожидало письмо. Пришло утром. Но письмо то было не от принца, а от канцлера Фезенклевера, и в нём он сообщал генералу, что, посоветовавшись с близкими, он принимает совет барона и решается отправиться в Винцлау, ко двору Её Высочества.

«А куда ему деваться? Дочери на выданье – деньги надобно где-то брать».

Волков думает написать ему, но потом вспоминает, что всё равно Фезенклевер поедет через Эшбахт, и он, при личной встрече, ещё раз даст ему советы и наставления. А пока генерал стал объезжать своих сторонников, но и Фейлинги, и Виллегунд уже знали о приближении принца, их предупредил Кёршнер, а посему генерал вернулся к гостеприимному дому, несмотря на страшную суету, царившую во дворце кожевенника; сам уединился в своих покоях, просил себе сначала пива, но потом передумал и просил кофе, и сел читать «Записки о галльской войне», хотя бы для того, чтобы не забывать языка пращуров.

Глава 7

Он не прочитал и двадцати страниц, как вернулся Кляйбер, и хозяин дома шёл, почти бежал, за ним до покоев барона, так как без позволения сеньора, да простит его господин Кёршнер, оруженосец эту тайну раскрывать отказался. Так они появились в покоях Волкова вдвоём, и тот поинтересовался у своего человека:

– Ну, вправду едет кто?

– Едет, сеньор, – отвечал ему Кляйбер. – Граф Сигизмунд едет жениться в Винцлау.

– Дьявол! – Волков даже хлопнул себя по лбу. – Ну как же я о том сразу не подумал?!

А должен был и догадаться, совсем голова думать не желает. Чёртова старость! Не могло у нашего принца быть столько кавалеров в свите, да ещё пеших людей. Конечно, это свадебное посольство едет в Винцлау, – он поворачивается к Кёршнеру. – Друг мой, что вы опять так потеете? Придите уже в себя. Я вас познакомлю с ним. Это милейший молодой человек.

– И что же, он заедет к нам?

– Попытаюсь его уговорить, – обещает Волков.

– О Господи! – стонет купец.

– Вы должны быть рады, друг мой, – смеётся генерал, – кто ещё в Малене может похвастаться тем, что его дом посетят два будущих курфюрста?

Но от этого Кёршнер волнуется ещё больше и снова вытирает лицо платком.

– Два курфюрста! О Господи!

Ехать навстречу процессии пришлось недолго; пока генерал искал капитана Вайзена, пока тот собирал кавалеристов, времени прошло изрядно. В общем, когда генерал с собранными людьми под флагами Малена выехал навстречу свадебному посольству, то вскоре показалась голова процессии, и он из кареты пересел на коня. На холме у дороги остановились, стали вглядываться. А процессия и вправду была знатной, не зря приказчик Адольф дивился. Два десятка рыцарей, хоть и без лат, но в прекрасной одежде и на прекрасных конях, достойных блистать на самых известных турнирах, ехали впереди. За ними – пять дюжин отборных кавалеристов герцога Ребенрее, все одеты в его цвета, под его стягами. Затем кареты вельмож, их было девять, а уже за ними, тоже под развевающимися флагами, шла сотня пеших людей с арбалетами и аркебузами. А уже потом по дороге пылили два десятка больших возов. На всех военных, хоть и стояла жара, и шлемы, и кирасы, всё начищено так, что солнце сверкает – смотреть нестерпимо. Флаги, прекрасные кони, отличные латы... Красота. Генерал повернул голову на людей Вайзена. Лучшие мужчины из первых семейств города, у них тоже доспех начищен. Все уже готовятся к приезду принца. Тоже неплохи.

Приказав всем остальным остаться на холмике, он с фон Готтом, Вайзенем, ротмистром кавалеристов Хольдом и вторым сыном Альфреда Фейлинга Хансом, который был городским знаменосцем, выехал навстречу процессии. Генерал даже узнал пару молодых людей из передового отряда рыцарей, раскланялся с ними. И, проехав дальше, вскоре увидел... Да, то был сам граф Сигизмунд Ханс Нахтенбель. Он выглядывал из окна богатой кареты с гербом Маленов, возможно, из кареты самого герцога. Молодой человек тоже узнал генерала и несомненно был рад этому, он махал ему рукой:

– Барон! Господь услышал меня! Я так рад вас видеть!

Волков же, прижав руку к груди и, не слезая с коня, с улыбкой поклонился ему:

– И я вас, дорогой граф.

Но юному графу того было мало, он протягивает Волкову руку для рукопожатия, а из-за спины графа барону улыбается и кивает наставник молодого человека, которого тот звал за просто Робер.

– Я знал, что мы поедем через ваши пределы, и очень надеялся вас встретить в Эшбахте, – продолжает граф Сигизмунд.

– Нам нет нужды встречаться в Эшбахте, там мне вас и принять будет негде, я живу в крестьянском доме, а здесь, в Малене, нас ждёт прекрасная кухня в одном из лучших домов. Хозяин, мой родственник, мечтает видеть вас у себя, граф, – предлагает ему Волков.

Граф изобразил гримасу сожаления на лице, но ничего ответить не успел. Тут из кареты выглядывает человек – барон его знает, ещё недавно этот высокопоставленный чиновник герцогства работал под руководством канцлера Фезенклевера, его зовут Лейнер, лицо его тяжело и серьёзно.

– Барон, приветствую вас, – они кивают друг другу, – но мы, к сожалению, не можем принять вашего приглашения, путь согласован, остановки предусмотрены заранее, завтра на заре мы должны уже начать переправу на левый берег Марты, чтобы к ночи всё закончить. И на следующее утро выдвинуться из Лейденица в Эвельрат.

– Всё так и будет, – заверил его генерал. – Пусть ваш отряд и дальше следует в Эшбахт, как раз к ночи они доберутся до моих Амбаров, но вам-то зачем целый день тащиться по жаре, когда вы сегодня можете прекрасно поужинать и переночевать в отличном доме, а завтра утром выехать и уже к полудню воссоединиться со своими людьми у реки? Я провожу вас до самой переправы.

Граф с надеждою оглядывается на Лейнера. Но лицо того холодно и неколебимо:

– Граф, речь идёт не о прихотях моих, а о пожеланиях Его Высочества и вашей безопасности. Наш капитан будет против того, чтобы мы изменяли маршрут и уезжали куда-либо от своей охраны.

Тут как раз подъехал и капитан стражи графа, на самом деле то был командир одного из двух кавалерийских полков герцога, полковник Ульфредсен. Они были неплохо знакомы с Волковым, и тот поздоровался с полковником за руку. Да, Ульфредсен подтвердил слова Лейнера и сказал, что не может вносить изменения в маршрут без веских на то оснований.

И тут лицо юного жениха стало грустным. А вот генерал, который так и ехал возле его кареты, вдруг подумал с облегчением:

«Ну и ладно. Меньше мне будет хлопот! Да и Кёршнеру тоже». Ну, может быть, Кёршнеру хлопот и поубавилось бы в этом случае, а вот ему...

– Барон, а не могли бы вы нас проводить, до реки? – попросил его граф Сигизмунд. И при этом таким тоном, что генерал понял, что отказать не сможет. Но тут ему заметил ротмистр Хольд:

– Господин генерал, кажется, к вам обращаются, – он указывает за спину, к следующим каретам.

Волков оборачивается и видит человека, которого видеть был рад.

– Генерал! Генерал! – машет ему из кареты не кто иной, как советник Его Высочества и его министр... Фон Виттернауф.

– Простите, господа, граф, – Волков придерживает своего коня и ждёт, пока карета министра достигнет его. Тогда они тепло здороваются за руку:

– Барон!

– Барон!

– Граф у меня раза три спрашивал, встретим ли мы вас, встретим ли? – тут министр качает головой и смеётся. – Молодой человек наслушался рассказов про ваши приключения. И бредит вами. Он даже узнал, что вы убили на дуэли одного из лучших бойцов герцога. Из арбалета, кажется. Ведь было такое?

Вот об этом генерал вовсе не хочет разговаривать, он не желает вспоминать про Рютте, ведь графиня и его «племянница» именно из тех мест. Поэтому Волков отвечает:

– Может, что и было, да, видно, давно... Позабыл уже про то.

– Честно говоря, я уже думал послать к вам гонца, – продолжает фон Виттернауф. – Да не понадобилось.

– Я хотел вас пригласить к своему родственнику на ужин и ночлег, – говорит в свою очередь генерал, – да уж больно строг этот ваш Лейнер, и капитан стражи непреклонен. Никак не хотят менять маршрут, хотя я объяснил, что вам и графу сразу тащиться к реке нет смысла, вы всё равно успеете переправиться на тот берег не раньше, чем к полудню дня завтрашнего.

– Да? – Виттернауфу потребовалась всего одна секунда, чтобы во всём разобраться. – И они отказались от приглашения? – он машет рукой. – Мы сейчас что-нибудь придумаем! – и зовёт к себе капитана: – Капитан! Капитан!

Ульфредсен подъезжает к нему, и фон Виттернауф тут же ему и говорит:

– Капитан, мы, наверное, заедем в Мален, поужинаем. А завтра мы с графом Сигизмундом догоним вас в Эшбахте.

Сразу было видно, что затея эта по нраву полковнику не пришлась, но возражать напрямую всесильному министру герцога он не посмел, и посему лишь произнёс:

– Но я отвечаю за безопасность графа. Как же он пойдёт завтра без нас?

– Ничего, – сразу нашёлся барон, – думаю, что наш Эшбахт найдёт нам охрану.

– Разумеется, – заверил полковника Волков, – в городе непременно найдётся пять десятков храбрецов, что проводят графа до Амбаров, они ещё и за честь это почтут.

Нет, это не успокаивало полковника, но... Перечить всесильному министру он не решился.

– Как вам будет угодно, барон, – Ульфредсен поклонился фон Виттернауфу, а потом и Волкову и ускакал вперёд. А министр продолжил: – Уверен, что граф будет счастлив, если вы поедете с ним, но я попрошу вас, генерал, посидите со мной.

Дальше они поехали вместе.

– Умираю от жары и пыли, – сказал Виттернауф, когда генерал уселся напротив него и его приближенного, которого генерал не знал.

– За перевалом будет ещё хуже, – уверил его Волков.

– Да, да... – согласился министр. – Я слышал, что если в начале осени не начнут дуть ветра с гор, то и сентябрь в тех местах случается на редкость знойным. Но это бы мы пережили... – тут он смотрит на Волкова. – Барон, что ждёт этого мальчика в Винцлау?

Генерал вздохнул и ответил:

– Ну, во всяком случае... Неплохая жена.

– Вы считаете? – в вопросе фон Виттернауфа Волкову послышался этакий... не очень приятный подтекст. – Впрочем... Принцесса, конечно, женщина достойная, набожная и любящая мать, если только не считать, что она почти в матери годится Сигизмунду. Кстати, сколько её старшей дочери?

– Кажется, двенадцать... Но это всё пустое, – заметил Волков. – Инхаберин молода сердцем и хороша собой.

– Ну уж вам виднее, – министр с усмешкой смотрит на Волкова. – Но я всё-таки хотел спросить не про нашу прекрасную принцессу.

– Жизнь маркграфини и нашего графа лёгкой не будет, – отвечает Волков, – она не очень сильна духом и не очень умна, а граф совсем ещё мальчик. Вот если бы на его месте оказался наш сеньор...

– О да, – тут же согласился фон Виттернауф, – наш герцог за пять лет навёл бы в Винцлау порядок. Но такие целеустремлённые и последовательные люди, как он, – это большая редкость. Я уже и не знаю второго такого... Или знаю всего одного, – он тут глядит на генерала. И вдруг говорит: – Разве что вы не уступите ему ни в том, ни в другом.

– Я? – удивляется генерал.

А Виттернауф смотрит на генерала и продолжает:

– Думаете, наш сеньор забыл, что вы обещали прислать ему своих сыновей на обучение?

Но эта тема совсем не та, которую он хотел бы обсуждать с министром.

– Его Высочеству я ничего подобного не обещал. Напротив, я говорил ему, что мои сыновья к наукам склонностей не имеют, барона я вижу в ремесле военном, и только, а среднего вижу лишь в служении божеском.

– Второго сына отдадите в монастырь? – уточняет фон Виттернауф. И добавляет: – И, конечно же, в один из тех, что в Ланне.

– Да, туда, – соглашается генерал. – Я получил приглашение для Хайнца в один из лучших монастырей Ланна, потому что отдать сына в такое заведение, где хозяйничает епископ Вильбургский... который меня ненавидит... Уж увольте.

И тут министр кивает: понимаю, понимаю.

– Вы правильно выбрали время для своеволия, – он опять усмехается. – Сейчас нашему сеньору явно не до вашей строптивости. Он весь погружён в дела марьяжные. Но ведь сестрицу свою вы могли уговорить вернуться в Вильбург? Она нужна нашему сеньору сейчас, – а вот эти слова фон Виттернауфа прозвучали уже как упрёк.

Но Волков придумал как возразить ему:

– Я убеждал её, и поместье, обещанное ей в подарок, было очень весомым поводом вернуться, она и вправду раздумывала о возвращении, – тут Волков делает паузу. – Но у графини отобрали дочерей. И она не хочет, чтобы у неё убили ещё и сына.

На это умнейший советник Его Высочества не нашёлся что ответить.

Глава 8

Горожан, собравшихся в доме Дитмара Кёршнера встречать будущего курфюрста Винцлау, было больше, чем предполагал Волков. Они приходили с жёнами, все хотели видеть жениха принцессы Оливии. И генералу пришлось знакомить городских нобилей с графом Сигизмундом и бароном фон Виттернауфом.

– Господа, дозволейте вам представить: Сигизмунд Ханс Гольберд-Мален фон Кун, граф Нахтенбель, – он не стал добавлять, что это человек, который вскоре получит титул маркграфа Винцлау и станет курфюрстом. Об этом и так знали все присутствующие. После представления гости стали рассаживаться. И тут пришлось немного изменить рассадку, так как фон Виттернауф хотел сидеть рядом с генералом, и граф Сигизмунд также. Наконец все расселись, где-то на балконе заиграла музыка – негромко, как раз так, как нужно, – и слуги понесли первые блюда и аперитивы. Сначала подали пате разных видов: из гусиной печени и утиных грудок, ещё какой-то, их подавали так, как подают в королевстве за рекою, в маленьких чашечках, к ним свежайшие хлеба, специальные ножи и рейнское. Паштеты были прекрасные. А ножи пригодились и к следующему блюду. То были печёные с чесноком улитки. И после подачи улиток фон Виттернауф и говорит:

– А вы умеете выбирать друзей и родственников, дорогой генерал. Паштеты и улитки отменные, думаю, что смогу такое попробовать лишь за перевалом.

– Хорошо если так, – ответил ему Волков.

– Что вы имеете в виду? – не понял министр.

– Повара принцессы меня, честно говоря, не сильно удивляли. Впрочем, как и прислуга.

– Ах вот вы о чём. Да, я знаю, что её прислуга из рук вон плоха и что нам там будут рады не все, – он положил себе ещё несколько улиток из блюда и добавил негромко: – В общем, мы понимаем, что бедному юноше там будет нелегко.

Волков был в этом уверен.

– Но вы же будете помогать ему. Хотя бы первое время.

– Я уеду, как только пройдёт процесс обручения. При графе останутся Лейнер, Ульфредсен и несколько кавалеров, и охрана. Это лучшие люди, что мы могли сейчас дать Сигизмунду.

Волков кивает: понятно. Он не стал говорить советнику герцога, что по своей инициативе отправил к принцессе канцлера Фезенклевера. Пусть это будет для министра, да и для герцога, маленьким сюрпризом. И он лишь интересуется:

– Даже не дождётесь свадьбы?

– Свадьба будет в октябре, – отвечал фон Виттернауф. – Я не могу сидеть там два месяца, у меня много дел. Но на свадьбу я приеду вместе с герцогом.

– Значит, и он будет там? – Волков подумал, что слишком много сиятельных особ должно в этом году проехать по Малену и Эшбахту. Кёршнер может разориться их всех принимать.

– Да, да... Он сам, а ещё будут курфюрсты Ренбау и Эксонии, они обещали быть, остальные пришлют своих представителей, – продолжал фон Виттернауф.

– А император?

– Он готовится к большой войне, ему не до того. Обещал, что приедет его брат Генрих Второй Штилленский.

– О! Не маловат ли Эдден для такого количества принцев и курфюрстов? – усмехается генерал.

Но, кажется, министру не до смеха:

– Наши так называемые друзья настаивают, чтобы венчание проходило в кафедрале Швацца. Обручение будет в Эддене, а сама церемония... там, в этом осином гнезде, – и тут он говорит генералу: – Вам бы, дорогой барон, тоже следовало поприсутствовать на свадьбе.

– Уж увольте, – сразу пресёк эти разговоры Волков.

– Ну и напрасно, – усмехается министр. – Герцог бы это оценил.

– Возможно; но, видно, вы не знаете о последних моих делах, – продолжает генерал, – боюсь, моё присутствие в Винцлау вызовет у местных... некоторое недовольство. Меня там не очень любят.

– Да нет же, напротив, я прекрасно осведомлён о ваших взаимоотношениях с туллингенскими купчишками, – фон Виттернауф берёт красивый бокал с рейнским, – Поздравляю вас, я слышал, что набег был удачен.

– Относительно. – Волков не очень хочет распространяться на эту тему. Не нужно никому знать, сколько он взял денег за набег.

А тут уже понесли вторую смену блюд. То было фрикасе из зайчатины, оно подавалось в горшочках и горячим. К нему шло уже красное, полусладкое.

– Да, а повар у вашего родственника и вправду неплох. Я думал, что ему только паштеты удаются с улитками, – говорил министр после того, как содержимое горшка лакей выложил ему на тарелку. – Он из-за реки?

– Кажется, – отвечал генерал.

Граф Сигизмунд, сидящий от него по левую руку, был занят подаваемыми блюдами, а также госпожой Кларой, которая, видно из материнских чувств, не давала молодому человеку заскучать и всё время говорила с ним. А министр тем временем гнул своё:

– Ну так что, генерал, вы присоединитесь к свите Его Высочества на свадьбе?

Нет, у Волкова были свои планы.

– Боюсь затеряться среди всех этих принцев. Да и дел у меня полно. Наверное, всё-таки я не смогу.

– Затеряться? – фон Виттернауф качает головой. – Не скромничайте, генерал, не скромничайте. Вас все знают. У императора помнят, кто побил мужиков, а герцог Эксонии знает, кто увёл серебро у его купцов, выловив его из реки. Кстати, и курфюрст Ренбау вас поминал, он не возложил на вас рыцарское достоинство из-за того, что вы выпороли кого-то из его банкиров. Какого-то жида, кажется? А что тогда произошло?

– Сопляк был нагл, – отвечал генерал нехотя. – Несдержан на язык.

– Ну вот, отличный повод появиться перед курфюрстом Ренбау, чтобы он понял, какого рыцаря потерял, – смеётся министр.

– Не думаю, что дразнить курфюрстов – это хорошая затея. – рассуждает генерал.

– Да, это вы верно заметили, поэтому я рекомендую вам согласиться с пожеланием вашего сеньора присоединиться к его свите на свадьбе, – отвечает ему министр.

На что Волков ему ничего не говорит. Дальше шли другие блюда, и генерал был рад, что теперь ему приходилось отвечать на вопросы графа Сигизмунда.

К сырам и сладким пирогам на меду, как всегда, подавали рислинг, который выращивали монахи на южных склонах за перевалом. Волков и фон Виттернауф вышли из-за стола. К ним присоединился и Лейнер. Они втроём говорили о Винцлау, Лейнер хотел знать всё о тех местах и о тех трудностях, что его там ждут. Все остальные гости понимали, что три важных сановника земли Ребенрее, судя по их серьёзным лицам, говорят о чём-то непростом. Никто больше не

решился подойти к ним. Но вечер был и так неплох: музыка, отличный ужин, великолепные вина и спустившаяся наконец вместе с сумерками прохлада вызывали у всех присутствующих только хорошие эмоции, горожане с большим теплом говорили с молодым графом о его будущей свадьбе, о богатствах земли Винцлау и интересовались достоинствами маркграфини. А вскоре гости поняли, что пора, и стали расходиться.

На следующее утро, удивив всех гостей, присутствующих на завтраке, своим пристрастием к кофе, генерал выехал из Малена вместе с ними и направился в Эшбахт. Также с ними ехала дюжина городских всадников. Волков решил на сей раз ехать в карете графа. Общением с министром он был уже сыт. Но тут ему всю дорогу пришлось развлекать молодого человека рассказами. А того интересовало всё. И его приключения, и сражения, и его дела в Винцлау. Граф хотел также знать всё о знатнейших людях маркграфства, но больше всего он спрашивал... ну конечно, о своей невесте.

Волков был любезен, но уже с половины пути поглядывал в окно: где же там родной Эшбахт? Но до самого дома ему пришлось говорить без конца.

А там, когда приехали, граф Сигизмунд, видно подначенный министром на привале, захотел сделать остановку в Эшбахте, а не сразу поехать в Амбары, и пожелал познакомиться с семьёй генерала. Ну, делать было нечего, пришлось вести их к баронессе. А уж та была рада несказанно таким знатым гостям, и особенно Элеонора Августа обрадовалась, когда министр ей и говорит:

– Баронесса, дорогая, Его Высочество наш герцог, да и сам граф, – тут он указал на молодого человека, – будут рады видеть вас и ваших сыновей на бракосочетании, которое состоится в октябре в Швацце.

И пока госпожа Эшбахта то ли от счастья, то ли от удивления лишилась речи и только лишь могла хлопать глазами, молодой граф и говорит ей:

– Да-да, баронесса, я буду счастлив видеть на моей свадьбе вас и ваших сыновей. И нашего прославленного храбреца, вашего супруга.

– Ну конечно же! – тут речь уже вернулась к Элеоноре Августе. Она всплеснула руками. – Конечно же, я буду на вашей свадьбе, господин граф!

– Ну вот и прекрасно, а то ваш супруг всё никак не мог решиться, – смеётся фон Виттернауф.

– Ой, господа! Мой супруг, он нелюдимый, не любит ни балов, ни праздников, они ему претят, – тараторит баронесса. – С ним так непросто, он совсем не светский человек. Совсем. Ему бы всё с солдатами своими быть, да с офицерами! Или с глупыми книгами, коли нет никого. Ему больше нравятся дурные шутки солдатские да пьянство, чем танцы.

«Ох, как же она глупа! – сокрушается про себя генерал. – Люди с дороги, хоть предложила бы им что-нибудь поесть. Нет, она будет ручками взмахивать да на мужа жаловаться!».

А впрочем, может, и хорошо было, что его жена, по бестолковости своей, ничего гостям не предложила, Волков не хотел, чтобы они тут задерживались. У него была масса своих дел.

– Какое же счастье, что вы ко мне заехали, господа, – продолжает госпожа Эшбахт, – не будь вас, так я бы и не узнала, что нас приглашают.

Слава Богу, что господа торопились и стали уже прощаться, иначе генерал и додуматься не мог, что бы его жена ещё им наговорила от великого спустившегося на неё счастья.

Он проводил их до переправы и там, в Амбарах, передал господина барона и господина графа на руки полковнику Ульфредсену, который при появлении процессии, видно, перекрестился. А Волков дождался, пока граф сядет в лодку, помахал ему рукой и наконец вздохнул спокойно.

«С одним сиятельным закончено. Остался ещё один!».

Едва вернулся домой, как баронесса и начала:

– Это хорошо, что они заехали к нам! Не будь их...

– Я уже слышал: я бы ничего не сказал вам о приглашении на свадьбу, – догадался генерал.

– Да, не сказали бы.

– Ну так я вам и сейчас скажу, что мы на неё не поедem!

И тут жена, вперив на него взор, замерла в непонимании и удивлении: да как же не поедem?

А генерал, сев за стол, и говорит:

– Мария, в этом доме есть какая-то еда?

И пока ему собирали стол, Элеонора Августа пришла после удивления в себя, присела с мужем рядом и говорит:

– Да как же так не поедem, если нас сам курфюрст приглашал, и граф Сигизмунд тоже?

Супруг смотрит на эту женщину, и ему, честно говоря, очень не хочется, чтобы её видела маркграфиня Оливия. Он не может себе объяснить это своё нежелание. Барон как будто стыдится своей жены. Оливия – женщина страстная, необыкновенно притягательная, красивая и неглупая. И совсем иное дело его данная Господом жена. Маркграфиня ещё и посмеётся над такой. Нет, он точно не хочет ехать с баронессой на свадьбу в Швацц. И тогда он спрашивает у жены:

– Госпожа моя, а чего вы больше хотите: быстрее переехать в замок и давать там балы или съездить на свадьбу графа в Винцлау?

– А при чём здесь свадьба и переезд? – искренне не понимает Элеонора Августа. – Уж не вижу я, зачем вы всё то сплетаете воедино?

– А затем и сплетаю, что поездка в Винцлау стоит будет отнюдь не дёшево, – замечает ей супруг.

– Ой, вы опять про эти деньги свои?! – почти возмущается баронесса. – И много ли тех денег надо будет?

– Да, я опять про деньги, – спокойно говорит ей генерал. – И денег тех надо будет много. Там и подарок надобен новобрачным, а это всё-таки маркграфы сочетаются с герцогами, им серебряных ложек мало будет. Опять же платья вам новые, да сама поездка, да охрана нужна будет.

Она смотрит на него чуть раздражённо: ну, на платья и подарки баронесса была согласна, это она понимала, но охрана:

– Какая ещё охрана? Зачем нам на свадьбе охрана?

Волков только рукой махнул: «Кому я это всё объясняю?».

Он берёт кружку с пивом, которую Мария только что поставила перед ним.

Когда уже дело шло к ночи, Сыч наконец явился.

– Что случилось, экселенц?

– Завтра надо нам быть в Малене, собери людей. Человек шесть.

– А что за дело? – Сыч без приглашения уселся рядом с господином.

– Самое то, что ты любишь, – мрачно произнёс генерал.

– Откуда вам знать, экселенц, что я люблю? – без тени веселья поинтересовался Фриц.

И так как генерал ему ничего не сказал, он спросил: – Так что мы делать будем?

– Адвокатишку одного надо поспросить, – отвечает генерал. Он кладёт руку на плечо своего человека и теперь говорит так, чтобы Фриц Ламме всё понял: – Потолковать с ним как следует.

– Ну понятно, – говорит Фриц Ламме. – Ёж накопал что?

– Накопал, накопал.

– Ладно, набрать человек шесть, кто половчее будет.

Волков кивает.

– Выезжаем на рассвете? – уточняет Ламме.

– Ты с ними на рассвете, а у меня ещё дела есть, я после заутрени поеду, – он достаёт один золотой, протягивает его Сычу. – Коней и телегу мои возьми, а это людям.

– Ага, – коннетабль любит золото, Волков это давно заметил, вот и сейчас Фриц рассматривает монету с удовольствием, потом прячет её себе в пояс, встаёт. – Пошёл я народец собирать.

Глава 9

Утром Кляйбер ему доложил, что ещё до рассвета заходил Сыч с людьми, брал из конюшни лошадей и седла, также взял одну небольшую телегу. Потом они уехали. И прекрасно. Сам барон торопиться не хотел, а начал утро с привычного своего занятия, с пререкания с женой. Та просила его взять её и сыновей к Кёршнерам и ждать там визита принца, но супруг противился: дескать, у родственников и так кутерьма, в некоторых покоях приходится обивку отнимать, палить клопов, в иных местах стены красить, паркет править.

– В общем, не до вас, – но он пообещал: – Как принц будет подъезжать, я за вами пришлю.

Баронесса дулась, как обычно, и по привычке своей начала было просить денег на новый наряд, принца встречать, но Волков сказал ей, что платье она себе купит в Ланне, когда повезёт Хайнца на обучение в монастырь. Этого было достаточно, чтобы Элеонора Августа тут же принялась мечтать о поездке в Ланн, волноваться, думать о всяком и на время позабыла про покупки, а потом и вовсе, как бы вдруг, взяла у мужа его чашку с кофе и отпила один глоток. Поморщилась и сказала:

– О Господи, гадость какая, как вы это пьёте, да ещё и смакуете? – и тут же заглянула в чашку и... выпила ещё немного.

Потом к нему пришли Ёган и Кахельбаум, принесли свои бумаги, и они стали считать деньги, и Ёган сказал, что на дорогу до границы его владений нужно почти шесть тысяч монет.

– Да откуда столько-то? – мрачнел барон.

– Господин, так я не придумываю, я не один те места смотрел, я же с мастером Брюкмаером ездил. Он считал, я записывал. Да и, честно говоря, куда там дешевле? Холмы да буераки всю дорогу, почитай; хорошей земли мало. Там одного леса получилось на тысячу. Так что шесть тысяч – это только вприкидку.

Волков не мог сказать почему, но он рассчитывал на сумму в четыре тысячи. А вот Кахельбаум как раз и попросил на новые склады у реки именно столько. И опять тут не обошлось без Брюкмаера. Это он снова всё посчитал.

– Этот Брюкмаер ваш, поди, уже на золоте ест, – недовольно замечает барон.

Управляющий и староста молчат; а ещё нужно было, как посчитал Кахельбаум, четыре с половиной тысячи на выкуп у мужика той пшеницы, что удалось тому собрать в эту жару. И это не считая того, что нужны были ещё деньги на ремонт дороги до Заставы.

– Ладно, пока начнём строить амбары и выкупать хлеб, – сказал барон и велел Гюнтеру принести мешок с серебром, чтобы выдать Кахельбауму аванс.

– А с дорогой что? – интересовался Ёган.

– Пусть сеньоры сначала начнут, хоть полпути протянут, – объясняет Волков. – А то я начну, а они ещё передумают.

Когда его ближайшие помощники уходили, он поинтересовался:

– А у замка был кто? Что там происходит? Строят ли?

– Строят, сеньор, строят, – заверил его управляющий. – Споро взялись, народа немало нагнали, кладку рavelинов заканчивают; если так пойдёт, может, через неделю или две уже и ворота поставят.

«Ну хоть что-то!».

Но это не сильно его радовало; по сути, из того серебра, что он взял у туллингенцев, у него осталось меньше десяти тысяч, а если посчитать, то чуть больше девяти. Строить обещанный епископу храм было уже не на что. Только на деньги с продажи олова.

«Как вода сквозь пальцы! Считаю их, чтобы только раздавать!».

А ведь он ещё намеревался погасить к Рождеству проценты по кредитам и начать закупать в замок всякое надобное. Но на это у него почти не оставалось серебра.

«Вот вам, дорогая баронесса, и балы, и свадьбы, и поездки в Ланн за платьями!».

С этими мыслями генерал отправился в Мален. А когда сел в карету и поехал, глядя из окна на привычные поля, на разбитые вдоль дорог крестьянские огороды, на пасущихся коров на склонах холмов, начал закипать от нахлынувшей ярости, едва вспомнил, что кто-то собирается всё это у него забрать. Он темнел лицом и сжимал кулаки:

«Мой Эшбахт забрать собираетесь? Кровью блевать будете. Кровью!».

Да, ему понравилось, как был одет новый слуга Петер Вольф. Как и велел Волков, мальчишка был одет во всё синее, синие чулки и синий берет. Благородный цвет, что и говорить. Только башмаки и перчатки Гюнтер купил ему чёрные. Молодец выглядел как юноша из богатой городской семьи. Он как раз зашёл в покои, когда генерал заседал там с Ежом и Сычом. Они обсуждали, как им подойти к адвокату Альбину.

– Войдём в дом, Ёж говорит, нет у него жены, детей нет, там с него и спросим, – предлагает Фриц Ламме.

– А прислуга? – вспоминает генерал. – У него прислуга имеется.

Сыч большим пальцем на правой руке изображает движение. Всем всё становится ясно. И Волков говорит тогда:

– Нет, никакой лишней крови. С меня уже довольно.

– Ну ладно, войдём в дом, прислугу прищемим, спрячем где-нибудь... – тут как раз Сыч замолчал, так как Петер принёс поднос, на котором стояли кружки с пивом. Фриц внимательно оглядел нового слугу, пока тот составлял кружки на стол. А когда Петер ушёл, Волков, взяв кружку с холодным пивом, спросил:

– А как ты думаешь войти к нему в дом?

– Постучим да войдём, – беззаботно отвечает коннетабль. Едва плечами не пожимает.

– А не откроет? – сомневается Альмстад.

Тут Фриц отвечает ему грубовато:

– Так вот не ной, а придумай что, чтобы открыл.

«Дурак! – Волков смотрит на своего коннетабля осуждающе. – Всё никак не успокоится, что Ёж теперь ему не подчиняется!».

А Сыч продолжает как ни в чём не бывало:

– Вот, к примеру, мальчишка ваш этот новый... Он очень даже может подойти.

Нет. Барон качает головой. Волков не хочет втягивать в это дело молодого человека, которого он ещё и не знает.

– А зря, очень даже он нам подходит, – сокрушается Фриц Ламме.

– Не его это дело.

– Как пожелаете, – соглашается коннетабль и отпивает пива. – Ладно, придумаем что-нибудь.

Пока два дня барон следил за подготовкой к приёму принца, участвовал в разных советах, осматривал украшения в большом зале ратуши и даже утверждал меню к праздничному пиру, Сыч и Ёж занимались своим делом. И вот к ночи второго дня от их прошлого разговора они пришли к нему, когда он ужинал с Кёршнерами, отозвали его из столовой, и Фриц сказал:

– Экселенц, всё готово, мы с Ежом хоть сегодня, хоть завтра можем этого адвокатишку поспрашивать.

– Тянуть нет нужды, – отвечал ему генерал.

– Ну, значит, сегодня к нему наведаемся, – обещал Сыч. – Вы только скажите, что у него вызнать надо.

– Что вызнать? – Волков задумался. А потом и говорит: – Я сам к нему пойду.

– Экселенц, да ну! Зачем? – сомневается Ламме.

– А вдруг вас узнают? – согласен с Сычом Альмстад.

Но генерал хотел сам задать адвокату один вопросик. Хотел видеть глаза этого мерзавца. И посему барон закончил ужин и стал собираться.

Дома на той улице были хорошие, у каждого дома фонарь горел. Так что совсем темно не было. Нужно было быть аккуратным, поэтому карету с гербом он оставил за пару улиц до нужного места, пересел на коня Кляйбера. И прибыл к дому как раз тогда, когда дело уже началось. Он остановился в тени там, где притаились двое из людей Сыча, и слышал, как Ёж, стуча в дверь, говорит:

– Господин адвокат, господин адвокат!

Тишина стояла на улице. Волков поглядывает по сторонам. Нет, всё спокойно, ни в окнах свет не загорается, ни стражи нет.

– Господин адвокат! – продолжает стучать Альмстад.

И тут, кажется, из-за двери кто-то спрашивает его, и Ёж говорит:

– Я Франс Вальдер, я конюх господина Шрумिंगа. Пауля Шрумिंगа, твой господин должен его знать. Слышишь? Позови его!

Снова голос из-за двери, но слов Волков расслышать не может. И тогда на окне второго этажа распаивается ставня, из окна появляется лампа, и высокий мужской голос спрашивает:

– Что тебе нужно?

И тогда Ёж снова начинает:

– Господин адвокат, я Франс Вальдер, конюх господина Шрумिंगа.

– Ну и что? – Альбин высовывает лампу из окна подальше, хочет, видно, осветить того, кто его разбудил. Сам свешивается за нею, глядит вниз. – И что?

– Он меня к вам прислал, он желает завещание переделать.

– Сейчас, что ли? – не верит адвокат.

– Он представляется, господин адвокат, уже и поп был, причащал его, вы же знаете, как он хвор.

– Да знаю, знаю... И что же, до утра не дотерпит он? – у обладателя высокого голоса явно нет желания тащиться куда-то ночью и переделывать какие-то завещания.

– Да как же дотерпит?! – восклицает Ёж с неподдельным возмущением. – Говорю же, уже причастился, в любую минуту может отойти.

– Послушай, как там тебя... конюх... – начинает адвокат, но Ёж находит, что сказать ему:

– Господин адвокат, хозяин сказал, чтобы я передал вам, что он заплатит вам восемь талеров, я вам принёс задаток, вот у меня четыре монеты! А ещё он сказал, что это дело богоугодное, что вам то зачтётся.

– О! – доносится из окна, потом следует пауза и продолжение: – Ладно, я одеваюсь. Ты с лошастью?

– Да, господин адвокат, – откликается Альмстад.

И потом ставень на втором этаже закрывается, свет угасает. И вскоре открывается входная дверь, и женщина с лампой в руке впускает Ежа в дом.

– Пошли, ребята, – тихо произносит Фриц Ламме, и несколько теней за ним движутся к дому, а потом и заходят в него. И ничего не происходит. Из дома не доносится ни звука. Волков, Кляйбер и фон Готт остаются на улице, но это длится недолго, вскоре дверь снова открылась и снова появилась лампа.

– Экселенц, всё готово.

И тогда генерал, оставив Кляйбера на улице при лошадях, с фон Готтом пошёл в дом. А едва вошёл и едва Сыч запер за ним дверь, он увидел на полу чёрные пятна и сразу спросил:

– Прислуга где?

– С ней всё в порядке, дурень думал подраться, так его успокоили, но он жив, а ещё были мальчонка и кухарка, всех в чулан посадили, – рассказал Сыч и повёл господина на второй этаж дома.

Адвокат одеться не успел, как был в ночной рубахе до пят, так и валялся в ней на полу, руки вывернуты назад, стянуты верёвкой. Сыч крутил, это Волков признал сразу. У несчастного широко раскрыт рот, он тяжело дышит с подвыванием:

– А-а... А-а... Господи, Господи... А-а...

Глава 10

Когда появляется барон, начинает причитать:

– Господи, да Господи... За что же это всё?

Волков подходит ближе и наклоняется к нему, заглядывает ему в лицо. Сыч услужливо светит лампой.

– Знаешь меня? – спрашивает барон.

Альбин приподнимает голову:

– Знаю, знаю, господин, вы почётный маршал города, Эшбахт, барон Рабенбург.

– Да, почётный маршал, Эшбахт, барон Рабенбург, – соглашается с ним генерал. – А сестра моя кто? Знаешь?

– Знаю, знаю, графиня фон Мален! Самая прекрасная женщина в городе.

– Да, самая прекрасная, а ты что велел о ней кричать рыночным крикунам? – продолжает генерал. – А?

– Я? – удивляется адвокат. – Я ничего... Я такого не велел... Это не я!

Но генерал наступая ему сапогом на голову, прижимает её к полу.

– Не ври, жаба, я даже знаю, сколько ты платил за то.

– О-о... О-о... – стонет под сапогом адвокат. И продолжает упорствовать: – То не я!

– Значит, не хочешь говорить, не хочешь умереть честным человеком, – констатирует генерал. – Всё. Вешайте его.

И тут же один из людей перекидывает верёвку через стропило потолка, а ещё двое уже берут другой её конец. А Альбин, видя это, верещит:

– Не надо, господин Эшбахт, умоляю, я умоляю ва-ас.

– Кто тебе велел возводить хулу на графиню? – холодно спрашивает Волков, глядя, как адвоката поднимают к петле. – Ну, говори, пока есть время ещё.

– Это всё Бельдрих, он просил, – сразу выпалил адвокат, но на генерала при том не смотрел, так как прямо перед его носом качалась уже петля.

– Сколько он тебе заплатил? – продолжает барон.

– Нисколько, нисколько, – спешит отвечать адвокат.

– Ты, что же, бесплатно взялся за такое дело? – не верит генерал.

– Нет, не бесплатно... – и тут Альбин заплакал. – Не нужно меня убивать, прошу вас.

– Смерть ты свою заслужил, попробуй теперь заслужить жизнь, – отвечал ему барон.

– А что? Как заслужить? Вы только молвите! Прошу вас... – он рыдал в голос.

– Что тебе обещал Бельдрих за хулу на графиню?

– Участие в тяжбе Корфа, больше ничего, клянусь, – затараторил адвокат. – Я был бы вторым адвокатом в деле о земельном участке у озера. Он собирался отсудить большой кусок земли у наследников. Они были глупы. А Бельдрих спросил меня, есть ли у меня хорошие крикуны в знакомцах, он сказал, что сам не хочет от себя о том просить. Дело, говорил, щепе-

тильное. Я и согласился... Он сказал, что про графиню нужно покричать немного и памфлеты про неё развесить, чтобы читали. Я и взялся.

Волков удовлетворённо кивает:

– Понятно, понятно... Он не захотел такой грязью заниматься, знал, что это может и боком выйти, а у тебя ума отказаться не хватило. Ну хорошо... А кто решил напасть на молодого графа?

– А про такое я даже не знаю, то не моего ума дело, не моего, – снова поддвигал Альбин, потому что ему на шею надели петлю и затянули её. – Господин Эшбахт, скажите, что мне нужно вам сказать, чтобы вы меня не убили? Ну что? Ну скажите? Прошу вас!

– Ну хорошо, – соглашается генерал. – Хорошо. Ответь-ка, а где прячется Ульберт Вепрь?

– О Господи! – адвокат разевает рот и начинает стонать, подняв глаза к потолку. – О-о-о-о... Ну откуда же мне про то знать? Откуда, я же не так...

Но Волкову противно всё это слушать, он машет рукой: заканчивайте. И два человека, что держали конец верёвки, подтягивают её на себя, ноги адвоката отрываются от пола, и его стон переходит в неприятное сипение... Голова склоняется на бок, лицо моментально наливается кровью и становится сизым, даже в свете лампы то видно, но он таращится на генерала и продолжает ещё шевелить губами. А один из людей Сыча вдруг обхватывает висельника за ноги и с силой дёргает его вниз. И поясняет зачем-то:

– Это чтобы побыстрее было.

Волков оборачивается и выходит из спальни адвоката. Спускается по лестнице, а за ним идёт фон Готт. Ещё недавно он, может быть, и оставил бы негодяя в живых. Может быть. Но барон был так добр до того, как напали на ЕГО Брунхильду и ЕГО «племянника», а ещё до того, как он узнал про то, что некоторые похвалялись, что заберут у него ЕГО Эшбахт. Теперь же генерал хотел, чтобы все холуи Маленов знали, что служить этим чумным крысам – дело опасное. Очень опасное.

«Кровью блевать будете!».

Утром, едва открылись ворота города, Сыч с его людьми выехали из Малена. О том ему сообщил Ёж. А барон как ни в чём не бывало принялся за дела, тем более что на почте его с утра ждало письмо от Его Высочества. Наконец-то! Принц писал, что будет уже через четыре дня. Волков собрал всех тех, кого считал своими соратниками, и прочитал им письмо, а после и говорит:

– Господа, время ещё есть, но это не значит, что оно у нас в избытке. Давайте уже сделаем то, что надобно.

В тот же день, вернее, в ночь того дня он снова поехал к сенатору Гумхильду. И снова вызвал его к себе в карету, недолго говорил с ним. Главное, что хотел узнать генерал: как чувствуют себя те, кто не является его сторонниками. И убедился, что чувствуют они себя ровно так, как того и нужно барону.

– Говорят, какие-то люди повесили одного адвоката, – рассказывал Гумхильд, косясь на генерала. – И то были совсем не разбойники. Город о том только и болтает.

– Я думал, город болтает о визите принца. Ну хорошо... А откуда же вы знаете, что не разбойники? – поинтересовался Волков.

– Разбойники не вешают, разбойники режут, или головы проламывают, – объяснял сенатор. – Да и не взяли у него ничего, хотя в комнате был ларец с деньгами. Да и откуда у нас взяться таким лихим разбойникам, чтобы не стеснялись ночами врваться в дома честных людей? Таких у нас давно не было.

– М-м... – понимает генерал. – Не было давно? А что же болтают люди насчёт этого дела?

– Много чего болтают, но больше всего... люди волнуются, – замечает Гумхильд.

– Людям свойственно волноваться, – говорит ему генерал и добавляет: – Особенно тем, за кем водится всякое недоброе.

На это сенатор только покивал головой: ну да. Ну да...

«Люди волнуются, – барон ехал домой и размышлял обо всём услышанном. – И пусть. Тише будут себя вести».

Он, конечно, не был в том доподлинно уверен, но, кажется, его послание дошло до тех, кого в городе считали партией Маленов. «Главное, чтобы они забились под камни и не устроили чего во время визита принца!».

Принца он поехал встречать лично. С ним были Брюнхвальд, Рене и Роха. А также пятьдесят лучших солдат и пятьдесят мушкетёров Эшбахта во всей своей красе. Ещё с ними выехал из города капитан Вайзен с пятью дюжинами лучших горожан о конях. Все ехали со флагами, впереди шли трубачи и барабанщики.

Свита принца вся уместилась в девяти каретах, из охраны с ним было два десятка кавалеристов. Дальше тащились телеги со скарбом и слугами.

Когда встреча состоялась, все остановились и Волков, спешившись, подошел к карете принца, чтобы его приветствовать, молодой человек, к неожиданности для всех, выпрыгнул из кареты и, нарушая протоколы, обнял генерала.

– Ах, барон! Наконец-то мы сюда добрались!

Это было на глазах у многих. А ещё Георг Альберт поздоровался с фон Готтом самым дружеским образом, протянул руку:

– Фон Готт, и вы здесь?!

Оруженосец сиял! Два молодых человека были явно рады видеть друг друга. А из кареты выглядывал и Годфруа де Вилькор.

– Господа, охота вам обниматься тут в жаре да пыли? Принц, зовите барона в карету, там и поговорите, и поехали уже!

И Его Высочество тут же поддержал своего товарища:

– И вправду, барон, садитесь к нам.

Волков не стал перечить и уселся с молодыми людьми.

– Барон, знали бы вы, как нам осточертело всё это! – сразу начал Георг Альберт. – В каких только дырах мы не побывали! Я объездил все захолустья от Вильбурга и до Малена.

– Да уж, – поддержал его Годфруа Эрнст Алоиз де Фрион граф де Вилькор. – От дурной еды мы даже чесаться начали.

Волков улыбался, разглядывая этого красавца, кивал ему, а ещё удивился тому, как тот хорошо выглядит для человека, что провёл в разъездах целый месяц; кажется, граф был посвежее принца. И платье у него было менее пыльным.

– А эти скучные приёмы, а глупые подарки! – продолжал принц. – Вы бы только видели, какой дряни мне понадали.

«Ну что ж, будем надеяться, что три тысячи талеров, что выделил принцу в подарок Мален, его не разочаруют!».

– А вы бы видели, в каких нарядах встречали нас провинциальные дуры, – смеялся граф.

– О Господи, барон! – сразу поддержал его Георг Альберт. – Это надо было видеть.

– Господа, – Волков тоже смеялся, – вы должны быть снисходительны, не все же имеют доступ к последним веяниям, что царят при дворе. Уверен, что многие из тех, кто вас встречал, и вовсе не бывали в столице.

– Да-да... Мы понимаем. Мы пытались, пытались быть снисходительными, барон, – уверяет его де Вилькор, – но иногда это было выше наших сил.

– Не смеяться над ними было просто невозможно! – со смехом рассказывал генералу принц. – Господи, а если бы вы знали, чем нас всё это время поили!

«Шалопай!».

И вот с ними в одной карете он ехал до самого Малена, слушая их рассказы и весёлые жалобы. Он смеялся вместе с ними и добавлял свои остроумные замечания. Так они и въехали в город. Тут уже люди вышли на улицы встречать Его Высочество, и принцу пришлось заняться своими непосредственными обязанностями, а именно выглядывать в окошко кареты, махать людям, высыпавшим на улицу, ручкой и улыбаться им.

Так их довели до дворца Кёршнеров, где принц продолжал работать. Он терпеливо улыбался, когда генерал представлял ему хозяев дома, а также семейство Фейлингов и ещё два десятка дам и господ из тех, которых генерал считал своими. Уже был накрыт лёгкий обед из страсбургских и других мясных, рыбных и сладких пирогов и лёгких вин, чтобы Его Высочество мог слегка перекусить с дороги, но не сильно наедаться при этом, потому что его ждала месса. И как только гости перекусили, кавалькада карет поехала в центр города, в кафедрал, на праздничную мессу.

Глава 11

– Я скоро от этих месс с ума сойду, – поначалу пригорюнился Георг Альберт. Но Волков, да и епископ, понимали, что длинной мессой с дороги они принца только утомят, и потому эта служба была так же быстра, как и хороша.

– А вы знаете, святой отец, – в конце говорил принц с некоторым удивлением, – ваш хор очень недурён. Он не хуже хоров вильбургских будет.

На что отец Бартоломей, польщённый, кланялся ему. А де Вилькор ещё и добавил:

– А ещё повар у вашего родственника... как его там?

– У господина Кёршнера.

– Да-да, у него... весьма недурён.

Дальше гостей ожидала главная задумка горожан. Едва Его Высочество со своей свитой сел на помосте под навесом, который возвели для него перед ратушей, едва ему принесли вина и льда, как началось шествие дев города Малена. Волков скромно хотел усесться во второй ряд за Георгом Альбертом, полагая передать место возле принца его дяде, но принц вдруг настоял на том, чтобы барон сел подле него, по левую руку. А уж дядя где-то там... При том Георг Альберт сообщил Волкову шёпотом:

– Знали бы вы, барон, как он мне осточертел за наше путешествие!

Барон улыбался и кивал, он мог себе это предположить.

А дальше пропели трубы, заиграла музыка и стали бить барабаны... и... из-за поворота появились самые лучшие девицы города, они в самых соблазнительных нарядах проходили перед помостом на площади, где разместились гости. Девы несли при этом целые охапки свежесобранных цветов, и эти цветы они стали кидать к основанию возвышения, к ногам Его Высочества. При этом девушки, глазели на молодого человека, а некоторые, что побойчее, и вовсе улыбались ему. И принц кивал им, тоже улыбался и даже махал рукой. Но в одну секунду он вдруг поворотился к Волкову и тихо поинтересовался:

– Барон, а когда вы видели графиню?

Нет, красавица так и не покинула мыслей молодого человека. Это немного обескуражило генерала.

«Как бы он не вспомнил про свой замысел поехать в Ланн инкогнито! Только этого мне не хватает!».

И тогда он говорит принцу:

– Она почти не выходит из женского монастыря – я как раз виделся с нею именно там, – думает сына также отдать в монастырь на обучение.

– Не выходит? – с сожалением спросил Георг Альберт.

– Женщина до сих пор напугана, – поясняет Волков. – Её можно понять, говорят, негодяи до сих пор лелеют планы убийства её сына.

– Да что же это за люди?! – возмутился принц. – Есть ли у них сердца?

– Сердца есть, но они черны, – со вздохом отвечал ему генерал. – Черны от ненависти. Кстати, ваш батюшка хотел вернуть графиню ко двору.

– Отец хочет вернуть её ко двору? – барон даже не понял, чего в том вопросе было больше, удивления или возмущения.

– Да, он даже обещал ей поместье в подарок, – продолжает Волков, – и поместье, как я понял, недурственное, но сестра всё ещё так напугана, что этим не прельстилась. Она сказала мне, что не собирается возвращаться в Вильбург и вообще не хочет никого видеть. Она стала набожна.

Кажется, принц от этого сообщения немножко погрустнул. А за прекрасными девами перед ними поехали под звон труб лучшие молодые люди города. В отличных доспехах, на самых дорогих конях. Представители городского рыцарства, которое внешне ничем не уступало рыцарству поместному. Волков сам с удовольствием поглядел бы на городскую молодёжь, и доспехи его интересовали, и особенно кони. Всё было очень дорогое, сделанное по последним модам, турнирное. Но ничего генерал толком не разглядел, так как всю дорогу общался с Георгом Альбертом.

Если девы и привлекли его внимание хоть немного, то на рыцарей Георг Альберт почти не смотрел. Да, он погрустнул после новостей о Брунхильде, но мыслей своих не оставил, и почти всё время представления они, чуть склонившись друг к другу через поручни кресел, продолжали разговаривать. Впрочем, это было на руку Волкову. На площади собрался весь городской цвет. Епископ, бургомистр, сенаторы, высшие чиновники магистрата и большие военачальники, консул и капитаны. И все собравшиеся видели, что принц слушает Эшбахта. Слушает внимательно и время от времени понимающе кивает ему.

А рыцарей сменили жонглёры, акробаты и другие шпильманы, они высыпались на площадь под барабанный бой и весёлые крики, но этих принц смотреть уже не захотел.

– Барон, я устал... И хочу есть. Кажется, ваш родственник уже готовил ужин, когда мы приехали. Поедьте к нему.

Говорил он это всё так же без веселья в голосе, и Волков не стал его переубеждать, он только попросил:

– Конечно же, принц, только скажите горожанам пару слов. Они того заслуживают. Они очень вас ждали.

И принц сказал. Барон даже немного удивился тому, как хорошо Георг Альберт говорил. Молодой человек благодарил горожан за редкое радушие. При этом слова он произносил чётко и громко, почти кричал, чтобы все его слышали, и делал это с сердечным жаром. То есть его речь не казалась пустой отговоркой вежливости.

«Немудрено, скорее всего принц брал уроки ораторского искусства. Вообще папаша явно не скупился на образование сына, готовил его к будущей жизни».

Они покинули представление, но с их уходом оно не прекратилось, деньги город потратил, так что веселье продолжилось. А родовитые гости отправились ужинать. А после ужина, который принц съел без всякого, как казалось расстроенному хозяина дома, удовольствия, Георг Альберт и вправду отправился спать, хотя вечер едва только опустился на город, жара отступила, а музыканты из столовой Кёршнеров переместились в большую залу, куда были поданы и вина с десертами.

Волков же нашёл наконец время поговорить с Бернардом Гольбердом – двоюродным дядей принца, его наставником, – учителем Его Высочества Кройбергом и ближайшими людьми из свиты, и при этом заметил им, что принц выглядит немного утомлённым. И господа с этим соглашались.

– Неудивительно – столько дней в дороге, мы и сами порядком устали! – отвечал ему убелённый сединами Гольберд.

– Ничего-ничего, зато мы осмотрели все центральные провинции и юг его будущих владений, – заявил господин Блангер. – Осталось лишь увидеть ваш Эшбахт и самую южную пристань Ребенрее. И всё, можно поворачивать назад, в Вильбург.

– Господа, смотреть у меня нечего, – заявил им генерал. – Пылища, телеги да озлобленное мужичье у причалов.

– А как же ваш знаменитый замок? – поинтересовался казначей принца, господин Ральфенс. – Говорят, второго такого крепкого строения нет во всей земле Ребенрее.

– Он ещё не закончен, принять я вас в нём не смогу, там даже отделка в покоях не начата. Вы просто потратите два дня на плохую дорогу, – уверял их генерал.

«К дьяволу эти поездки! А то этот юный болван решит всё-таки осуществить свою затею и махнёт на тот берег реки... В Ланн, к Брунхильде... Инкогнито! – Волков даже усмехнулся. – О Господи, как тебе удалось создать такую?! – сейчас он знал четырёх мужей, это как минимум, которых обурежала страсть к этой женщине. Себя он, конечно, таким не считал. – Воистину удивительное создание!».

Они поговорили ещё некоторое время, и в конце концов ему удалось убедить господ из свиты принца не ехать на юг дальше. После чего генерал направился в покои.

Дом Кёршнеров был велик, но даже он оказался мал для свиты Его Высочества. Комнаты слуг пришлось освободить для гостей, и слуги теперь размещались на ночлег где придётся, в том числе и под лестницами. В доме всё ещё слышались музыка и разговоры.

Наконец Волков добрался до своих покоев, где уже думал помыться и лечь спать. Он полагал, что спать сегодня будет хорошо, потому что за этот день утомился. Возможно, завтра ему не удастся выспаться, потому что приедет баронесса с детьми, и спать они, скорее всего, будут с ним, здесь. Так что выспаться надо было сегодня. Но когда он уже помылся и Петер унёс таз, пришёл фон Готт. И выглядел его оруженосец немного удивлённым или ошарашенным.

– Мне надо с вами поговорить об одном... – загадочно произнёс он.

– Об одном? – Волков уселся за стол, и оруженосец сел напротив. – О чём об одном? Ну говорите же. Вы меня пугаете, фон Готт. У вас странный вид, вы, что, научились читать? Или у вас в голове завелась мысль?

– Ой, да бросьте вы свои колкости, – молодой человек нахмурился. – Я же говорю, мне нужно серьёзно с вами поговорить.

– Ну так говорите, а то мне уже спать пора.

– Тут случилось такое, – начал оруженосец, – такое, о котором сразу и не расскажешь...

– И что же это случилось? – Волков был заинтригован.

– В общем, пока вы там смотрели шпильманов, я пошёл за помост, к коновязи, по нужде... – тут молодой человек замолчал.

– Да, фон Готт, это очень интересно, жаль, что вы не рассказывали мне об этом раньше! – подбодрил его генерал. – У вас есть ещё какие-нибудь занимательные истории на сегодня?

Но оруженосец не обратил внимания на это замечание и продолжил:

– Потом я заметил, что у моего гнедого сбился чепрак, и стал править, а тут появляется де Вилькор и говорит: фон Готт, вам тоже не нравятся эти кривляки? Я даже и не успел ответить, а он берёт меня тут... – Волков ждёт продолжения, и молодой человек продолжает: – Берёт меня за причинное место, – и оруженосец для верности указывает себе пальцем на пах.

Волков не стал тут шутить, хотя ему и очень того хотелось, а говорит серьёзно:

– Может, то была случайность, может, он коснулся вас от неловкости?

– Вы будто меня не слышите! – укоряет своего сеньора оруженосец. – Говорю же вам, он не коснулся, а схватился! Вот так, – тут молодой человек согнул пальцы ладони, как будто взял в руку яблоко, – снизу меня так схватил и подержал.

Тут генерал вздохнул. Фон Готт не был писанным красавцем, но молодой человек был высок и широкоплеч, вообще был очень крепок. Лицо у него было грубовато, но в принципе некоторые дамы могли посчитать его привлекательным. Видно, не только дамы. И Волков заинтересовался у него:

– А что же он вам при том сказал?

– Он спросил у меня: фон Готт, вам тоже не нравятся чтецы и лицедеи? Не правда ли, от жеманства воротит? – оруженосец поднял брови и удивлённо покачал головой. – Чего его воротит? Какое жеманство?

– И что потом?

– Потом он посмеялся и ушёл.

– М-м... Может, то шутка какая была, глупая, – Волков вздохнул, он ждал, что фон Готт будет прощаться, но тут же ему показалось, что оруженосцу есть что ещё сказать. – Или что?

– Вот и я подумал сначала, что это у них во дворцах такие шуточки, – продолжает молодой человек, – а сейчас я шёл по лестнице, а он мне навстречу с одним человеком, и он хватает меня за рукав, а тому человеку говорит: идите, я вас догоню; а когда тот ушёл, берёт меня за шею, вот так, – тут оруженосец продемонстрировал, как его схватил де Вилькор, и потом продолжил, уже понизив голос: – И целует меня. Целует в губы. Я даже ничего не успел сделать!

Генерал молчит, думает, что сказать молодому человеку. А тот, не дождавшись его реакции, продолжает рассказ:

– Я от него оторвался, а он говорит мне: мои покои в правом крыле, в самом конце на третьем этаже, приходите, фон Готт, не пожалеете. Обещаю вам. И улыбается. И снова меня хотел снизу взять, но я его руку отвёл. Учёный уже. А он пошёл по лестнице и смеётся и повторяет: покои на третьем этаже, в правом крыле.

Теперь он ждал, что скажет ему сеньор, и Волков спросил тогда:

– Фон Готт, а у вас есть дева, которая не оставляет вас равнодушным?

– Ну, вы же знаете, к нам девки из кабаков приходят. А иногда и крестьянские девки забегают, только вот последнее время Хенрик больше не зовёт никого, он теперь о свадьбе думает... А раньше-то часто к нам захаживали. Потаскухам иной раз нужно где спрятаться, вот из кабаков к нам и забредали, ночевали...

– Нет, я не о том. У вас вообще мысль жениться есть, нравится вам кто?

– Жениться? А на что жениться? Откуда у меня деньги? У меня нет денег даму сердца завести.

Это прозвучало как упрёк, но генерал не стал развивать тему денег, хотя мог бы напомнить оруженосцу, что тот потратил кучу денег совсем недавно, перед походом в Винцлау; потратил он их на племенного жеребца, которого выбрал сам, без советов сеньора, надеясь разбогатеть на нём в будущем, и который, естественно, вскорости заболел.

– Хорошо, а что вы хотите услышать от меня?

– Ну, не знаю, – замялся молодой человек. – Вот у вас бывало такое? Ну, не такое... прям которое, а вот чтобы к вам так... Ну, сами понимаете?

– У меня? Лично у меня такого не бывало, я же мужал в солдатской среде, а там это дело явление нечастое, хотя тоже встречалось. Могли какого пленного в бабу превратить ради смеха, а могли... В общем, всякое бывало, но редко, а вот в гвардии, – тут генерал делает паузу, – да, там этих изнеженностей хватало, но там же всё время люди живут во дворцах, а при дворах и господа, и лакеи всяким таким тешатся частенько, даже устраивают ночные маскарады, на которых в женских одеждах танцуют друг с другом... причём на тех маскарадах лакеи часто властвуют над господами. Ну и среди гвардейцев всякие находились, кто в охоту, а кто чтобы пробиться наверх или за подарки. Знал я одного такого сержанта гвардии, так у него брат герцога в любовницах ходил. Утончённый такой господинчик. О-о... Он одаривал того

сержанта за его старания по-царски. Так ни одна вдова престарелая юношей не одаривала. В общем, как говорится, с волками жить – по волчьи выть, – тут он глядит на своего оруженосца.

– А вы почему, фон Готт, спрашиваете? Вы, что, надумали с волками повыть?

– Да ну... – оруженосец отмахивается.

– Вам точно дамы по душе? А то бывают такие, которым всё равно, что женский зад в руках держать, что мужской, – тут Волков снова начинает посмеиваться.

– Фу... Конечно, дамы, – морщится фон Готт. – Зачем вы вообще такое мне говорите?

– Ну вы же сами пришли поговорить о таком! – напоминает оруженосцу сеньор, продолжая посмеиваться.

– Дамы, дамы... – уверяет его молодой человек, – просто мне нужно было с кем-то поделиться. Раньше я бы поговорил с Хенриком о том, а теперь он в Эшбахте всё время, а этот олух Кляйбер, он и не понял бы, о чём я с ним говорил, даже если бы я ему всю эту историю рассказал.

– Только не нужно делать из Кляйбера дурака, – замечает Волков и добавляет, опять посмеиваясь: – Кстати, к Кляйберу ваш приятель де Вилькор даже и не подошёл бы.

– Ой, – фон Готт машет рукой; видно, его немного задела последние слова сеньора, – ещё раз схватит меня, так уж раскланиваться с ним не стану.

– Эй, эй, – Волков сразу становится серьёзен, – даже пальцем тронуть его не смейте. Слышите?

– А что же... – начал было молодой человек, но генерал его оборвал на полуслове:

– Ничего же! Будет распускать руки, так вы те руки отводите. Причём ласково, без грубости! И говорите, что вам сии удовольствия недоступны. Говорите, что мужская сила к вам является лишь при виде лона женского. И всё это говорите вежливо, вежливо и извиняясь.

– Ну понятно, – бурчит оруженосец.

– Вы слышали меня, фот Готт? – настаивает генерал. – Не хватало мне ещё врага возле принца нажать. Да и вас потом спасать придётся; подобные люди, кровей таких благородных, неимоверно злопамятны, имейте в виду. Неимоверно.

– Как вы, что ли? – ёрничает оруженосец.

– Дурак! Шутите всё! – бурчит сеньор. – Имейте в виду. Он, возможно, и так на ваш отказ обидится, этакие господа не привыкли к отказам, а если вы ещё его оскорбите действием... – тут Волков покачал головой и замолчал. Ему казалось, что фон Готт всё понял.

Лёг в постель. Хорошо, что осень близко. Хоть к ночи зной отступает. Хотел не думать ни о чём, чтобы побыстрее забыться... Но сейчас не духота ему досаждала. Вот и ещё новостей фон Готт подкинул, и как после такого уснуть? Пришлось думать обо всём этом, подозревать всякое. Принц: знает – не знает? Да как же про такое не узнать? А в свите знают? Несомненно, там мужи многоумные. А сам принц почему с ним? Может, он тоже...? Да нет же, принц бредит Брунхильдой! Но почему тогда не разлей вода с этим де Вилькором? А может, он и так и эдак? А ещё хотят моих сыновей к себе в Вильбург ко двору забрать. Уж нет.

«Интересно, а что об этом думает курфюрст?».

На этом сон наконец и поборол его сознание.

Глава 12

Утро было нежарким. Гюнтер на рассвете распахнул окна, пока хозяин спал, и покой наполнились свежестью. А как рассвело окончательно, барон и проснулся. От стрельбы и... боя барабанов.

«Ах да, горожане готовятся к шествию цехов и коммун».

Он встал и просил себе воды, потом начал выбирать одежду, нужно было одеться особенно, праздник всё-таки.

Мажордом Кёршнеров пришёл лично и доложил, что завтрак готов.

– Принц уже вышел к столу? – интересовался генерал.

– Его Высочество ещё изволят почивать, но господа из свиты уже завтракают.

«Ну и ладно. Остался один день и одна ночь. Завтра поутру они отъедут. Надо терпеть и развлекать недоросля. Он должен уехать отсюда моим союзником».

Генерал вышел к завтраку, а там и вправду уже были ближайшие господа из окружения Его Высочества. Не было лишь принца и де Вилькора. В свете вчерашних событий... Тут Волков отогнал от себя всякие домыслы и принялся за завтрак, беседуя при том с дядей принца. Кёршнер даже за стол с ними поначалу не садился, старался устроить всё получше к выходу принца. Но тот всё не вставал, хотя за окном прошла процессия с трубами и барабанами.

– А всё ли в порядке с принцем? – наконец поинтересовался генерал у его наставника, господина Бернарда Гольберда.

– Да, он жив и здоров, я уже говорил с ним, просто у Его Высочества со вчерашнего дня дурное расположение духа. Уж и не знаю, что тому причиной послужило. Никого не желает видеть. Когда с ним такое, он может долго валяться в постели.

– Может, эта дорога его окончательно вымотала? – предположил барон.

– Может быть, может быть, – многозначительно отвечал ему дядя принца и при этом как-то странно косился на генерала. А потом и добавил: – Но сюда, к вам, Его Высочество ехал в приподнятом настроении.

Генерал вздохнул, а тут ещё явился и Альфред Фейлинг и, поздоровавшись со всеми господами и извинившись, отозвал Волкова и сообщил тому:

– Цеха уже собираются на улицах, скоро готовы будут начать шествие, вам не известно, когда господа пожалуют на площадь?

– Господа из свиты готовы, не готов только сам принц. Если не пожалует вскорости, начнём без него.

Он сообщил Гольберду, что всё готово к шествию, но тот пожимал плечами: ну что же делать, вы видите, принц отдыхает, пусть горожане постоят. И тогда барону пришлось идти в покои принца, где он и застал Его Высочество валяющимся в кровати. Молодой человек и вправду был грустен или даже опустошён, и генералу пришлось с ним говорить. И он заметил:

– Ваше Высочество, горожане ждут вас, пора начинать шествие.

– Ах, мне всё равно, – отвечал ему Георг Альберт меланхолично. – Пусть подождут.

– Нет, нет, так нельзя, – начал генерал, стараясь быть не очень настойчивым. – Нельзя, чтобы ваши подданные считали вас спесивым, нельзя выказывать к своим людям пренебрежение; давайте мы отправим вашу свиту на площадь и скажем, что вы приедете позже, пусть начинают шествие, а пока вы спокойно оденетесь и позавтракаете.

– Да, барон, – отвечал принц, даже не глядя на него, – так и поступим. Пусть горожане начинают.

«Неужели он так переживает из-за Брунхильды? Ещё так бледен».

Сам барон этого понять не мог. И, поклонившись Георгу Альберту, вышел. Когда все распоряжения были отданы, когда дядя принца уехал на площадь, а Фейлинг ушёл давать распоряжения насчёт начала шествия, генерал звал лакеев принца, велел подавать тому воду и одежду и сам остался в спальне молодого человека.

– Дозвольте, Ваше Высочество, я сегодня буду у вас вашим постельничим.

– Ну если вам так хочется, – отвечал ему принц без всякой страсти в голосе.

И тогда генерал стал с ним разговаривать, искать причины такой его печали, а принц и спрашивает:

– Барон, а вам не надоедает, что все от вас чего-то хотят?

И тут генерал поразил принца: он просто рассмеялся, так как не смеялся давно. Георг Альберт застыл в кресле в непонимании. Лакей надевал ему чулок, принц удивлённо смотрел на барона, а тот смеялся. Наконец молодой человек поинтересовался у него:

– Чем я вас так развеселил?

– Ха-ха, – всё ещё посмеивался генерал. – Вы даже представить не можете, Ваше Высочество, как мне надоедает то, что от меня всё время кто-то чего-то желает. А я всего-навсего хочу разводить лошадей.

– Лошадей? – удивляется принц.

– Да, лошадей, я обожаю этих прекрасных животных, я даже не позволяю своему управляющему распахать прибрежные луга под пшеницу, всё надеюсь, что когда-нибудь у меня найдётся время вывести свою породу, лёгкую и выносливую, под всадника без тяжких доспехов, я даже уже присматривал себе несколько кобылок и жеребцов, знаете, на подобных ходят в бой ламбрийские страдиоты или иберийские хинеты, – тут Волков вздыхает, – но мне, тем не менее, приходится ездить на войну или, – тут он галантно поклонился Его Высочеству, – встречать печальных принцев.

– Уж извините меня, – заметил Георг Альберт, – мне жаль, что заставляю вас скучать.

Теперь он был полностью одет.

– Скучать?! – воскликнул генерал. – Уж точно с вами мне не скучно, с вами разве соскучишься?! Но вот ответственность – да, этот груз нелёгок, я же хочу, чтобы и вам, и горожанам всё понравилось, чтобы все были довольны. Ведь я почётный маршал города Малена и должен присутствовать на всех официальных мероприятиях, хочется мне того или нет.

– Ну что же, – соглашается принц немного нехотя, – давайте тогда уже поедem присутствовать; раз это наша обязанность, от которой нам не избавиться, то уже и покончим с этим.

– Сначала завтрак, Ваше Высочество. Без этого никак.

После завтрака они и выехали, и ехать пришлось им долго, так как все улицы в центре были забиты людьми, построеными в колонны. Людьми нарядными и весёлыми, кажется, пьяными с самого утра. То ли после завтрака, то ли от праздника, что царил вокруг, принц немного повеселел, он махал рукой из окна кареты и морщился от шума, когда мужчины в его честь начинали палить из аркебуз. А к этому ещё добавился шум барабанов и труб, звон колоколов.

«Ну хоть порозовел немного».

Когда их карета наконец добралась до центральной площади, та вся была забита людьми. Герольды, надрывая голоса, стали о том кричать, и тогда толпа просто взревела. И принц выходил из кареты под оглушительные крики. Молодой человек поднялся на помост и галантно кланялся горожанам.

А в этот момент Волков стоял за его спиной, и когда Его Высочество усаживался на своё место, он настоял, чтобы генерал сидел с ним рядом. И весь город это видел. И видели то и самые первые нобили, и самые последние горожане. После чего шествие продолжилось.

– Цеха мясников и колбасников славного города Малена, глава цеха мясников господин Кроенг, глава цеха колбасников господин Путцель, – прокричал глашатай, чтобы господа гости, сидевшие на помосте под навесом, всё понимали. И дружно ударили барабаны, после чего из-за здания суда мерным шагом, под знамёнами, вышли первые ряды мясников. Шли они на удивление неплохо, нога в ногу, с чётким интервалом движения, как хорошие солдаты в баталии, за которыми зорко приглядывают сержанты. Впереди были барабанщики, а за ними флейтисты. Да, горожане явно готовились к празднику. А господам тем временем подали сухие вина со льдом и фрукты.

И ещё через полчаса принц окончательно стряхнул с себя утреннюю хандру. А вскоре за спиной генерала появился Альфред Фейлинг и прошептал:

– Господин барон, баронесса с молодыми господами пожаловала.

– Сейчас, – Волков встал.

– Вы куда? – сразу спросил у него Георг Альберт.

– Жена с сыновьями приехала, – отвечал ему генерал, – надо встретить и найти им хорошее место.

– Что значит «найти место»?! – удивился принц. – Просите баронессу быть сюда. Вместе с сыновьями, тут довольно места, мы все рассядемся, – и он жестом попросил Волкова наклониться к нему, и когда тот исполнил его просьбу, принц прошептал ему: – Барон, прошу вас, не оставляйте меня надолго наедине с моими надсмотрщиками. Они так утомили меня за путешествие.

– Я тотчас вернусь, Ваше Высочество.

– Приводите их сюда, а я распоряжусь, чтобы поставили ещё кресел.

– Ах, что же вы нас не пригласили вчера ещё, – сразу начала Элеонора Августа. – Мне сообщили, что принц приехал ещё вчера, а вы знали, когда он приедет. Но всё равно ничего мне не сказали.

– Идите за мной, госпожа моя, уже принц просил вас быть при нём, – отвечал генерал, не без оснований полагая, что теперь ему, кроме высокородного повесы, придётся ещё развлекать и супругу.

Когда госпожа фон Эшбахт, Элеонора Августа баронесса фон Рабенбург появилась с двумя старшими сыновьями на помосте, все, включая самого принца, поднялись со своих мест, чтобы приветствовать её. Никто не смотрел на проходящую колонну ткачей и портных, все взгляды были устремлены на неё, даже люди, горожане, что были на площади, и те смотрели на то, как встречают жену барона. А Волков меж тем представил её принцу и господам из свиты. И баронесса просто расцвела, то был её звёздный час, тем более что Георг Альберт при всех назвал её «дорогой родственницей».

Элеонора Августа едва сдержала слёзы и, почти не заикаясь от счастья, смогла представить ему своих сыновей. И принц тогда говорит его сыновьям:

– Господа, надеюсь, вскоре увижу вас в Вильбурге, при дворе. Нам нужны славные рыцари, такие, как ваш папенька.

И барон Карл Георг, и Генрих Альберт обещали ему прибыть ко двору, причём заученно обращались к принцу не иначе как Ваше Высочество. Видно, матушка провела с ними учение, чтобы они не выглядели перед принцем как деревенские олухи. И баронесса при том продолжала цвести, радуясь, что дети её умны и всё запомнили правильно. Вот только сам барон, в свете недавнего случая с фон Готтом, таким обещаниям сыновей вовсе был не рад.

«Чёрта с два они будут при дворе; одного в монастырь на учёбу, другого держать при мне, при войске!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.